

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ (THEORY AND PRACTICE OF MODERN SCIENCE)

*Материалы Международной
научно-практической конференции
29 октября 2025 года
(г. Минск, Беларусь)*

© Выдавецтва «Навуковы свет»,

© НИЦ «Мир Науки»

2025

Выдавецтва **«Навуковы свет»**

Материалы Международной (заочной)
научно-практической конференции
под общей редакцией **А.И. Вострецова**

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ (THEORY AND PRACTICE OF MODERN SCIENCE)

научное (непериодическое) электронное издание

Теория и практика современной науки [Электронный ресурс] / Выдавецтва «Навуковы свет», Научно-издательский центр «Мир науки». – Электрон. текст. данн. (1,41 Мб.). – Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2025. – 1 оптический компакт-диск (CD-ROM). – Систем. требования: PC с процессором не ниже 233 МГц., Microsoft Windows Server 2003/XP/Vista/7/8, не менее 128 МБ оперативной памяти; Adobe Acrobat Reader 10.1 или выше; дисковод CD-ROM 8x или выше; клавиатура, мышь. – Загл. с тит. экрана. – Электрон. текст подготовлен НИЦ «Мир науки».

© Выдавецтва «Навуковы свет», 2025
© Научно-издательский центр «Мир науки», 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Классификационные индексы:

УДК 001

ББК 72

Т33

Составители: Научно-издательский центр «Мир науки»

А.И. Вострецов – гл. ред., отв. за выпуск

Аннотация: В сборнике представлены материалы Международной (заочной) научно-практической конференции «Теория и практика современной науки», где нашли свое отражение доклады студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников вузов Российской Федерации и Республики Беларусь по техническим, экономическим и другим наукам. Материалы сборника представляют интерес для всех интересующихся указанной проблематикой и могут быть использованы при выполнении научных работ и преподавании соответствующих дисциплин.

Сведения об издании по природе основной информации: текстовое электронное издание.

Системные требования: PC с процессором не ниже 233 МГц., Microsoft Windows Server 2003/XP/Vista/7/8, не менее 128 МБ оперативной памяти; Adobe Acrobat Reader 10.1 или выше; дисковод CD-ROM 8x или выше; клавиатура, мышь.

© Выдавецтва «Навуковы свет», 2025

© Научно-издательский центр «Мир науки», 2025

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

НАДВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ:

Сведения о программном обеспечении, которое использовано при создании электронного издания: Adobe Acrobat Reader 10.1, Microsoft Office 2010.

Сведения о технической подготовке материалов для электронного издания: материалы электронного издания были предварительно вычитаны филологами и обработаны программными средствами Adobe Acrobat Reader 10.1 и Microsoft Office 2010.

Сведения о лицах, осуществлявших техническую обработку и подготовку: А.И. Вострецов.

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ:

Дата подписания к использованию: 31 октября 2025 года.

Объем издания: 1,41 Мб.

Комплектация издания: 1 пластиковая коробка, 1 оптический компакт диск.

Наименование и контактные данные юридического лица, осуществившего запись на материальный носитель: Научно-издательский центр «Мир науки»

Адрес: Республика Башкортостан, г. Нефтекамск, улица Дорожная 15

Телефон: 8-937-333-86-86

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.М. Алефиренко, Е.Д. Зубрицкий, А.Н. Морозова Сравнительный анализ технических параметров тепловизионных приборов, используемых для обнаружения технических средств несанкционированного съема информации 7

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

П.И. Байрамов, В.М. Погосян, А.Н. Потемня Анализ устройств для высева амаранта 12

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.А. Сагайдак Рентное регулирование сельскохозяйственного производства как основа развития консолидации земель 16

М.П. Салазникова, Ю.Н. Касмова Трансформация подходов к распределению перевозок между железнодорожным и автомобильным транспортом как фактор повышения эффективности деятельности бизнес-единиц 39

В.М. Флоря Молодежные субкультуры России: зеркало и двигатель социально-экономического анализа 46

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.В. Домнина Законодательная и нормативная база в области радиационной безопасности 51

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.Ю. Никулина Настольные игры как средство повышения уровня социально-коммуникативного развития ребенка старшего дошкольного возраста 64

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.М. Шверина, Н.М. Константинова Психологические основы профессиональной деятельности субъекта научно-педагогического труда в контексте метакомпетентностного подхода в высшем образовании

69

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.М. Алефиренко,

к.т.д., доцент,

Е.Д. Зубрицкий,

магистрант,

А.Н. Морозова,

магистрант,

БГУИР,

г. Минск, Республика Беларусь

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕХНИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ ТЕПЛОВИЗИОННЫХ ПРИБОРОВ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ ДЛЯ ОБНАРУЖЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО СЪЕМА ИНФОРМАЦИИ

Аннотация: приведены результаты расчетов комплексных показателей качества тепловизионных приборов, выполненные с использованием средневзвешенного арифметического показателя. Проведен сравнительный анализ моделей различных производителей с учетом их основных технических параметров. Построена диаграмма распределения комплексных показателей качества, которая позволяет осуществлять выбор наиболее эффективной и технически совершенной модели тепловизора для решения задач контроля и обеспечения информационной безопасности.

Ключевые слова: тепловизоры, принцип работы, технические параметры, комплексные показатели качества.

Тепловизор представляет собой устройство для обнаружения и визуализации распределения температуры на поверхности объектов, основной принцип функционирования которого основан на регистрации инфракрасного (теплого) излучения. При переводе прибора в рабочий режим его матрица фиксирует тепловое излучение, исходящее от различных участков наблюдаемой сцены, и преобразует полученные сигналы в видимое изображение, где каждому

значению температуры соответствует определённый цвет или оттенок.

Система обработки данных тепловизора анализирует полученную тепловую карту и позволяет выявлять аномалии температурного поля, которые могут указывать на наличие скрытых источников тепла – например, работающих электронных компонентов, видеокамер, микрофонов и других технических средств несанкционированного съёма информации [1].

В настоящее время на рынке тепловизионных приборов представлено широкое разнообразие моделей, различающихся по разрешающей способности, чувствительности, диапазону измеряемых температур, частоте кадров и другим техническим параметрам. Поэтому выбор наиболее оптимальной модели, соответствующей задачам поиска и технического контроля, представляет определенную трудность, поскольку требует анализа большого числа характеристик, отличающихся своими количественными значениями.

Для решения этой проблемы можно использовать комплексный метод определения качества тепловизионных приборов, который позволяет учитывать все принятые во внимание технические параметры и их числовые значения [2, 3]. Комплексный метод оценки качества изделий предполагает использование комплексных показателей, в качестве одного из которых может использоваться средневзвешенный арифметический показатель качества, определяемый по формуле:

$$K_{\text{ариф}} = \sum_{i=1}^m \alpha_{\text{Hi}} \cdot k_{\text{Hi}} , \quad (1)$$

где k_{Hi} – нормированный i -й единичный показатель; α_{Hi} – нормированный коэффициент, характеризующий вес (значимость, важность) i -го единичного показателя; m – количество единичных показателей, принятых во внимание.

Поскольку технические параметры тепловизоров имеют различные размерности, то для использования формулы

(1) необходимо преобразовать их и провести нормировку, чтобы получить безразмерные значения. Нормировка может быть проведена с помощью выражения

$$K_{Hi} = \frac{k_i - k_{кр i}}{k_{опт i} - k_{кр i}}, \quad (2)$$

где k_i – исходное значение i -го единичного показателя; $k_{кр i}$ – критическое значение i -го единичного показателя; $k_{опт i}$ – оптимальное значение i -го показателя.

Исходные значения k_i должны лежать в пределах $k_{кр i} < k_i < k_{опт i}$ или $k_{опт i} < k_i < k_{кр i}$. Коэффициенты значимости α_{Hi} для формулы (1) должны выбираться таким образом, чтобы обеспечивалось условие

$$\sum_{i=1}^m \alpha_{Hi} = 1. \quad (3)$$

тогда нормированные значения K_{Hi} будут лежать в пределах $0 < K_{Hi} < 1$.

В качестве единичных показателей для тепловизионных приборов использовались такие технические параметры, как разрешение матрицы по вертикали и горизонтали, диагональ сенсорного экрана, размер матрицы, мгновенный угол поля зрения, диапазон измеряемых температур (максимальная и минимальная), термочувствительность, фокусное расстояние, время непрерывной работы, емкость аккумулятора, вес, габаритные размеры, рабочий температурный диапазон, гарантийный срок и цена.

Для сравнения было выбрано 11 моделей тепловизоров, выпускаемых различными фирмами.

Для определения численных значений комплексных показателей качества тепловизоров необходимо предварительно подготовить и преобразовать исходные данные. После преобразований количество анализируемых параметров

увеличилось до 19.

Для присвоения параметрам коэффициентов значимости был использован экспресс-метод определения коэффициентов значимости, суть которого заключалась в разделении параметров на группы по степени важности, каждой из которых присваивались свои диапазоны значений, выраженные в числовой форме и равностоящие друг от друга.

Результаты расчетов, проведенные по формуле (1) с учетом выражений (2) и (3), в виде столбиковой диаграммы представлены на рисунке 1.

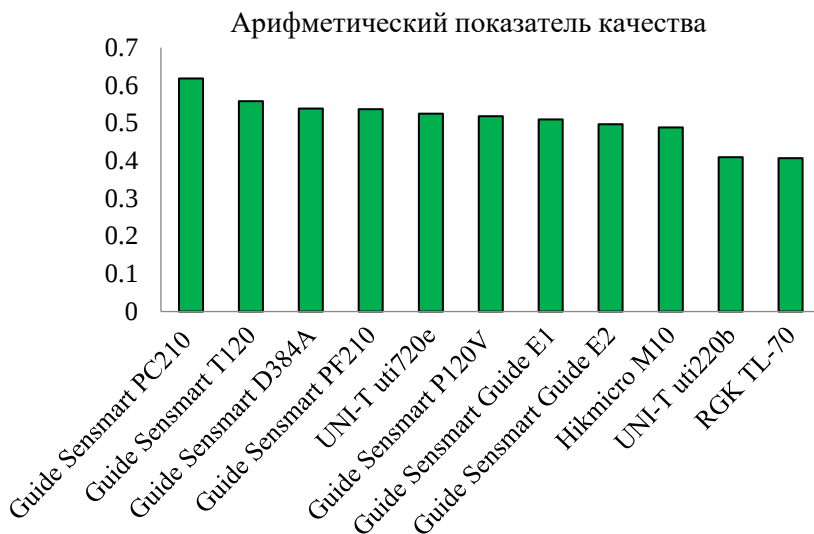

Рисунок 1 – Распределение комплексных показателей качества тепловизоров

Как показали результаты расчетов, наилучшие значения показателей качества были у модели *Guide Sensmart PC210* (0,618), на втором месте – *Guide Sensmart T120* (0,558) и на третьем месте – *Guide Sensmart D384A* (0,538), общий вид которых показан на рисунке 2.

Рисунок 2 – Тепловизоры: а – *Guide Sensmart PC210*; б – *Guide Sensmart T120*; в – *Guide Sensmart D384A*

Таким образом, определение качественных характеристик тепловизоров, выраженных относительно численными значениями и комплексно учитывающих количественные значения технических параметров, позволило провести их сравнение и определить лучшую модель по выбранным для сравнения техническим параметрам.

Список использованных источников и литературы:

[1] Ворона В.А. Видеонаблюдение: возможности, обнаружение, подавление / В.А. Ворона. – Москва: Горячая линия-Телеком, 2024. – 172 с.

[2] Алефиренко В.М. Выбор состава технических средств для систем обеспечения безопасности / В.М. Алефиренко // Доклады БГУИР. – 2017. – №2 (104). – С. 39-44.

[3] Алефиренко В.М. Выбор объективов для камер систем видеонаблюдения / В.М. Алефиренко, А.Н. Морозова // Журнал «Science Time»: Материалы Междунар. науч. – практ. мероприятий Общества Науки и Творчества за декабрь 2024 года / Казань, 2024. – №12 (131). – С. 87-91.

© В.М. Алефиренко, Е.Д. Зубрицкий, А.Н. Морозова, 2025

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

П.И. Байрамов,

*студент 3 курса напр. «Наземные
транспортно-технологические средства»,*

В.М. Погосян,

к.т.н., доц.,

А.Н. Потебня,

к.т.н., преподаватель,

*Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина,
г. Краснодар, Российская Федерация*

АНАЛИЗ УСТРОЙСТВ ДЛЯ ВЫСЕВА АМАРАНТА

Аннотация: статья рассматривает амарант как перспективную сельскохозяйственную культуру с высоким содержанием белка (до 30 %). Подчеркивается его преимущество перед традиционными культурами: при урожае 100 т зелёной массы с гектара выход белка достигает 5 т/га (в 25 раз больше, чем у люцерны). Освещена проблема механизации посева амаранта: стандартные сеялки (СО-4,2, СН-10) не обеспечивают требуемых малых норм высева (например, 1 кг/га) и равномерности распределения семян, а также не соответствуют оптимальной глубине заделки (1–1,5 см).

Ключевые слова: амарант, посев, высеваящий аппарат, сеялка, белок, механизация, катушечный аппарат, равномерность высева, норма высева.

В ряде стран Америки, Африки, Европы и Азии амарант получил распространение и используется как пищевое, кормовое и лекарственное растение. Главное его достоинство – способность накапливать в листьях и зерне значительное количество (до 30%) высококачественного белка. В Среднем Поволжье, на Украине и Северном Кавказе, при урожае в 100 т зеленой массы с гектара, что доступно на орошении любому хозяйству, выход белка составляет около 5 т/га. Это в 25 раз

больше, чем дает люцерна с такой же площади.

Поэтому амарант должен стать важным источником кормового и пищевого белка, так как не имеет конкурентов ни по интенсивности биосинтеза белка, ни по общей урожайности.

Поскольку семена амаранта являются дорогостоящим посевным материалом, исследования, направленные на совершенствование процесса дозирования семян высевальными аппаратами, имеют важное научное и хозяйственное значение.

В результате изучения патентной и научно-технической информации были выявлены следующие средства механизации посева амаранта. Специальных сеялок для этих целей промышленность не выпускает. Поэтому обычно используют отечественные овощные СО-4,2, СН-10.

Катушка сеялки СО-4,2 имеет большие ячейки, что не позволяет обеспечить малые нормы высева, рекомендуемые для амаранта, например 1 кг/га, а так же не позволяет получить высокую равномерность распределения семян в рядке. Причиной является высокая порционность высева семян катушкой, вследствие чего посевы получаются неравномерными – со сгущением или разрежением растений в рядке.

Глубина обеспечиваемая ребрами не обеспечивает заделки семян амаранта 1 – 1,5 см..

Специально для мелкосеменных культур, в том числе и для амаранта, группой авторов С.Н. Зыкович, М.Г. Желтуновым и М.С. Бойченко был разработан барабанный пневматический высевальный аппарат.

Данный высевальный аппарат сложен в изготовлении установки, поскольку у него вакуумный принцип высева. В связи с этим у него повышенный расход энергии.

Кроме того, высевают сеялкой СН-10. А поскольку она имеет малую ширину захвата, то на ее основе разработана широкозахватная сеялка.

Для устранения недостатков известных сеялок нами были изготовлены следующие экспериментальные образцы катушечного высевального аппарата и высевального аппарата свекловичной сеялки.

Модернизация катушечного аппарата серийно выпускаемых сеялок включаем в себя герметизацию

прорезиненной прокладкой корпуса, муфту и катушку. Катушка смещена, так что бы не участвовать в процессе высева, а в муфте выполнены ячейки для семян амаранта. Диаметр ячейки должен соответствовать условию:

$$2d \leq d \leq 3d \quad (1)$$

где d – диаметр семени амаранта, мм.

Так же имеется опытный образец высевающего аппарата свекловичной сеялки с боковой подачей семян в «получайчики» высевающего диска. Подача семян подается в нижнем положении высевающего диска в «получайчики».

Заключение: Следует продолжить работу над совершенствованием конструкций катушечного высевающего аппарата и высевающего аппарата свекловичной сеялки, с целью модернизации серийных сеялок под посев амаранта.

Список использованных источников и литературы:

[1] Пат. RUS 2479192 Устройство для сбора семян / В.С. Курасов [и др.] – 2013.

[2] Погосян В.М. Обмолот початков кукурузы трехвальцовкой молотилкой на этапе селекции / Погосян В.М., Курасов В.С. / International Scientific and Practical Conference "World science". 2016. Т. 5. №1 (5). С. 11-13.

[3] Пат. RUS 2197813 11.03.2001 Зерноуборочный комбайн с приставкой для уборки кукурузы / Кравченко В.С., [и др.]. – 2003.

[4] Погосян В.М. Особенности посева амаранта / Погосян В.М., Мычкина Т.В. / В сборнике: Современные тенденции в науке, технике, образовании Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 3-х частях. 2016. С. 93-95.

[5] Курасов В.С. Механико-технологическое обоснование комплекса технических средств для селекции, сортоиспытания и первичного семеноводства кукурузы/дис. док. техн. наук. – 05-20-01/Краснодар, 2002. – 432с.

[6] Курасов В.С., Куцеев В.В., Самурганов Е.Е.

Механизация работ в селекции, сортоиспытании и первичном семеноводстве кукурузы: монография. – Краснодар: КубГАУ, 2013. – 72 с.

[7] Погосян В.М. Классификация посевных машин для посева амаранта / Погосян В.М., Мычкина Т.В. / В сборнике: Теория и практика приоритетных научных исследований сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 4-х частях. 2016. С. 60-62.

© В.М. Погосян, П.И. Байрамов, А.Н. Потебня, 2025

А.А. Сагайдак,

к.э.н., доц.,

ГУЗ,

г. Москва, Российская Федерация

**РЕНТНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК
ОСНОВА РАЗВИТИЯ КОНСОЛИДАЦИИ ЗЕМЕЛЬ**

Аннотация: в статье исследуется и обосновывается важность и необходимость развития земельно-рентных отношений в аграрной сфере, поступательного роста рынка сельскохозяйственных земель для целей стимулирования консолидационных процессов, которые выступают объективными факторами роста эффективности воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве.

Ключевые слова: аграрная сфера, консолидация земель Российская федерация, Орловская область, Республика Калмыкия, воспроизводственный процесс

В современных условиях особую актуальность имеет создание возможностей роста эффективности аграрной сферы, ее поступательного и устойчивого развития[1]. Это возможно достичь на платформе модернизации регуляторной реализации земельно-рентных взаимосвязей в исследуемой сфере как фундаментальной основы улучшения данных направленностей[2].

Земельный фонд позиционируется в агросфере как пространственная и функциональная платформа сельхозпроизводства, интегрирующая предметную и объектную компоненты агробизнеса. Функционирование земли как неотъемлемого фундамента прогрессивной репродукции в агросекторе коррелирует с земсобственностью, а также земрентой, которая экономически подтверждает и объективизирует «корзину» ее прав. Исследуем тренды девелопмента земельно-рентных компонентов в агросфере.

Генеральное пространство земель на начало 2024 г. исчислялось примерно в 1723,4 млн.га[3]. Сельхозземля в 2023 г. занимала округлено 375,0 млн.га (21,8%). Сравнительно 2022 г. ее пространство регрессировало на 4,2 млн.га (1,1%)[3].

Доля сельхозземли в земельном пространстве страны сократилась в 2023 г. сравнительно 2021 г.на 0,4 п.п., а относительно 2022 г. – на 0,3 п.п. В генеральном пространстве сельхозземель в 2023 г. сельхозугодья занимали только 53,5% (200,7 млн.га), включая землю в обработке 31,6% (118,6 млн.га).

Как абсолютное пространство агроугодий, так и их доля в сельхозземле в 2021-2023 гг. имеют прогрессирующий тренд. Аналогичный тренд выявлен и по культивируемой земле. Пространство агроугодий редуцировало на 11,1%, под культивацией – на 11,4%, сенокосно-пастбищных – на 13,1%.

А тем временем пространство простаивающей земли, наоборот, прогрессировало в 14.7 раз, что явилось результатом непродуманной дезинтеграции коллективных (колхозов)и советских (совхозов)агропредприятий и,следовательно, кризиса агросектора.

В генеральном пространстве гос. и муниципальная земля в 2023 г. была исчислена как 1581,7 млн.га (92,1%), частная -110,4 млн. га (6,4%), юрлиц-25,7 млн. га (1,5%)[3].

Пространство гос. и муниципальной земли в 2023 г. сравнительно 2022 г. прогрессировало примерно на 2,5 млн.га (0,2%), с 1579,2 млн.га до 1581,7 млн.га, временно переломив тренд их редукции в предыдущие годы.

Пространство приватизированной земли в 2023 г. сравнительно 2022 г. прогрессировало приблизительно на 1,7 млн.га (1,6%), с 108,7 млн.га до 110,4 млн.га, также временно трансформировав тренд ее редукции в предыдущие годы.

Аналогичный тренд был выявлен по земле юрлиц – прогресс на 1,1 млн.га в 2023 г. сравнительно 2022 г. с 24,6 млн.га до 25,7 млн.га (4,5%).

Итак, темп концентрации земсобственности юрлиц на уровне РФ значительно опередил прогресс вышеуказанных земнаделов, что свидетельствует о девелопменте интеграции земугодий. Выявлено также и то, что приращение данной земли прогрессирует из года в год.

На селе в 2023 г. гос. и муниципальная земля была позиционирована приблизительно как 245 млн.га (65,4%), частная-105,5 млн.га (28,1%), юрлиц – 24,5 млн.га (6,5%).

В 2023 г. сравнительно 2022 г. пространство приватизированных агроугодий прогрессировало на 1,5 млн.га с 104,0 млн.га до 105,5 млн.га (1,4%).

В рассматриваемом периоде пространство сельхозугодий юрлиц прогрессировало на 0,9 млн.га с 23,6 млн.га до 24,5 млн.га (3,8%). Пространство же гос. и муниципальной агроземли редуцировало примерно на 6,5 млн.га с 251,5 млн.га до 245,0 млн.га (2,6%).

В 2023 г. относительно 2022 г. имела место редукция пространства гос. и муниципальной агроземли – на 1,0 п.п. с 66,4% до 65,4%. Прогресс имел место в доле приватизированной земли – на 0,7 п.п. с 27,4% до 28,1%.

Что же касается доли земли юрлиц, то она в исследуемом промежутке времени прогрессировала в сельхозугодиях – на 0,3 п.п. с 6,2% до 6,5%. Тем самым на уровне РФ был выявлен долговременный тренд прогресса пространства земли юрлиц.

Консолидация сельхозземли юрлицами, в сущности, проявляется как модифицированная форма интеграции агроземель, поскольку средняя величина сельхозземлевладения в лидирующих сельхозкорпорациях агрохолдинговой композиции в апреле 2025 г. сравнительно июля 2022 г. прогрессировала на 19,2%, а также на 30,3% относительно мая 2021 г., достигнув почти 770,2 тыс. га с волатильностью от 443 тыс.га до 1380 тыс. га (3,1 раза)[6].

Характерно и то, что сравнительно июля 2022 г. дифференциация сельхозземлевладения в лидирующей десятке сельхозкорпораций агрохолдинговой композиции прогрессировала на 20 п.п. с 290% до 310%.

Все это позиционирует прогрессирующую экспансию и акселерацию интеграции сельхозземсобственности на платформе агрегации сельхозземель, а также поступательную дифференциацию пространств сельхозземлевладений агровапроизводителей.

Далее исследуем тренды агрегации агроземли паргосударственных сельхозорганизаций.

В 2023 г. сравнительно 2022 г. пространство сельхозорганизаций редуцировало на 0,1%, а их доля в структуре сельхозземлепользования парагосударственных агроформирований, наоборот, прогрессировала на 0,4 п.п.

В 2023 г. сравнительно 2022 г. пространство сельхозкооперативов редуцировало на 3,6%, а их доля в структуре сельхозземлепользования парагосударственных агроформирований также регрессировала на 0,8 п.п.

Генеральное пространство сельхозземлепользования парагосударственных агроформирований в 2023 г. сравнительно 2022 г. редуцировало на 0,9%.

В 2023 г. доля сельхозорганизаций в пространстве сельхозземлепользования парагосударственных агроформирований регрессировала на 9,2 п.п. с 55,0% до 45,8% сравнительно 2020 г.

В то же время в 2023 г. доля сельхозкооперативов в генеральном пространстве сельхозземлепользования парагосударственных агроформирований редуцировала на 4,8 п.п. с 34,1% до 29,3% сравнительно 2020 г.

В 2023 г. относительно 2022 г. доля сельхозорганизаций в разбивке агроземсобственности парастаталов прогрессировала на 0,4 п.п. с 45,4% до 45,8%. В то же время доля агрокооперативов редуцировала в этом временном интервале на 0,8 п.п. с 30,1% до 29,3%.

В итоге, был конституирован долговременный, пролонгированный тренд редукции агроземлепользования сельхозкооперативов и приращения сельхозземлепользования сельхозорганизаций, что отражает девелопмент агрегации сельхозземель.

Однако в 2023 г. пространство парагосударственных агроформирований регрессировало на 746,7 тыс. га, с 113801,0 тыс. га до 113054,3 тыс. га (0,7%)сравнительно 2020 г.

В 2023 г. сравнительно 2022 г. данный индикатор редуцировал на 1039,4 тыс.га с 114093,7 тыс.га до 113054,3 тыс.га (0,9%).

Доминирующую роль в ней имеет сельхозземсобственность парастаталов, которая в 2023 г. сравнительно 2022 г. прогрессировала на 4,4% с 19867,3 тыс.га

до 20737,6 тыс.га, т.е. на 870,3 тыс.га.

Доля сельхозорганизаций также прогрессировала в 2023 г. сравнительно 2022 г. на 0,2 п.п., что свидетельствует о деvelopeмменте агрегации земель в агросфере.

Косвенно это подтверждается прогрессом выкупа сельхозземель, который позиционировался в 19,1% в 2023 г. сравнительно 2022 г., а также части в праве генеральной паевой агроземсобственности, продемонстрировавшей рост в 6,3% (125,6 тыс.га с 1990,1 тыс.га до 2115,7 тыс.га) в данном временном интервале.

В целом же агроземсобственность юрлиц прогрессировала в 2023 г. сравнительно 2022 г. на 4,1% с 23570,2 тыс.га до 24530,5 тыс.га (960,3 тыс.га).

В деvelopeмменте частной агроземсобственности фундаментальное значение продолжали иметь земпай, доля которых в 2023 г. равнялась 69,3%.

Однако в разбивке частной агроземсобственности их доля в 2023 г. сравнительно 2022 г. регрессировала на 2,6 п.п. с 71,9% до 69,3%. Пространство же их регрессировало в 2023 г. сравнительно 2022 г. на 1808,8 тыс.га с 74804,8 тыс.га до 72996,0 тыс.га (2,4%).

Земпространство частных сельхоздомохозяйств в 2023 г. сравнительно 2022 г. прогрессировало на 192,0 тыс.га с 6820,0 тыс.га до 7012,0 тыс.га (2,8%), а частнопредпринимательская аппликация – на 79,1 тыс.га с 1442,9 тыс.га до 1522,0 тыс.га (5,5%).

Имплементация собственных агроземучастков также прогрессировала на 11,2% (1824,3 тыс.га) с 16231,8 тыс.га до 18056,1 тыс.га в 2023 г. сравнительно 2022 г., а агрохозяйств сельхознаселения – на 4,2% (125,2 тыс.га) с 2993,4 тыс.га до 3118,6 тыс.га.

Все это также свидетельствует о поступательном, шаг за шагом, деvelopeмменте интеграции сельхозземель в агросфере, что также подтверждается характером аппликации частных сельхозземугодий. Основополагающую роль в приватизированном сельхозземлепользовании играют частные сельхоздомохозяйства.

В 2023 г. сравнительно 2022 г. их агроземлепользование

прогрессировало на 389,7 тыс.га с 20309,6 тыс.га до 20699,3 тыс.га (1,9%).

И хотя их доля в разбивке приватизированного агроземлепользования в 2023 г. сравнительно 2022 г. редуцировала на 0,6 п.п. с 65,4% до 64,8%, все равно она сохранилась доминирующей.

В 2023 г. количество частных сельхоздомохозяйств редуцировало на 8,0% сравнительно 1995 г., а генеральное пространство агроземугодий приватизированных сельхоздомохозяйств в этом временном интервале прогрессировало на 72,8%.

Среднее же пространство агроугодий, занятых частным сельхоздомохозяйством, прогрессировало за счет агрегации сельхозземли в 2023 г. сравнительно 1995 г. В 2023 г. оно оценивалось в 80,6 га и сравнительно 1995 г. прогрессировало на 87,9%[3].

Данные тренды проявились и в регионах, например, на Орловщине. Сельхозземля там, в 2022 г. исчислялась как 2035,2 тыс. га (82,6% территории). Сравнительно 1990 г. величина агроземли регрессировала на 261,4 тыс. га с 2296,6 тыс. га до 2035,2 тыс. га (11,4%).

Доля сельхозземли в областном пространстве в 2022 г. сравнительно 1990 г. редуцировала на 10,6 п.п. с 93,2% до 82,6%. Был выявлен тренд приращения пространства горпоселений, прогрессировавший в 10 раз. В 2022 г. сравнительно 1990 г. доля горпоселений прогрессировала на 7,2 п.п. в генеральном пространстве земли региона.

В 2022 г. гос. и муниципальная земля насчитывала 964,8 тыс. га (39,1%), частная – 1163,2 тыс. га (47,2%), юрлиц – 337,2 тыс. га (13,7%).

Сравнительно 2020 г. величина гос. и муниципальной земли в 2022 г. регрессировала на 3,0 тыс. га с 967,8 тыс. га до 964,8 тыс. га (0,3%), частной – на 6,6 тыс. га с 1169,8 тыс. га до 1163,2 тыс. га (0,5%).

Пространство же земли юрлиц в 2022 г. сравнительно 2020 г., наоборот, прогрессировало на 9,7 тыс. га с 327,5 тыс. га до 337,2 тыс. га (3,0%). Сравнительно 2021 г. фундаментальных трансформаций в разбивке земсобственности региона в 2022 г.

не произошло.

Доля гос. и муниципальной земли в 2022 г. сравнительно 2020 г. регрессировала на 0,2 п.п. с 39,3% до 39,1%, приватизированной – на 0,3 п.п. с 47,5% до 47,2%. Одновременно доля юрлиц прогрессировала на 0,5 п.п. с 13,2% до 13,7%.

В 2022 г. сравнительно 2015 г. доля гос. и муниципальной земли регрессировала с 40,0% до 39,1% (0,9 п.п.), а частной-с 49,4% до 47,2% (2,2 п.п.).

В противоположность этому в 2022 г. сравнительно 2015 г. прогрессировала доля юрлиц с 10,6% до 13,7% (3,1 п.п.).

В 2022 г. в разбивке гос. и муниципальной земли региона доминировала земсобственность РФ. В 2022 г. сравнительно 2021 г. каких-либо существенных трансформаций в генеральной разбивке земсобственности Орловщины не было выявлено.

Генеральное пространство агроземлепользования в Орловском регионе в 2022 г. сравнительно 1990 г. регрессировало на 11,4% с 2296, 6 тыс.га до 2035,2 тыс.га (261,4 тыс.га), агроугодий– на 7,2% с 2073,6 тыс.га до 1923,5 тыс.га (150,1 тыс.га), а земли в обработке –на 6,5% с 1662,3 тыс.га до 1554,2 тыс.га (108,1 тыс.га).

Доля же агроугодий в сельхозземлепользовании Орловщины в 2022 г.сравнительно 1990 г. прогрессировала на 4,3 п.п. (с 90,3% до 94,6%), а культивируемой земли– на 3,9 п.п. (с 72,4% до 76,3%).

Максимальный прогресс в 2022 г. сравнительно 1990 г. был достигнут землей под застройку (88,8%)с 21,4 тыс.га до 40,4 тыс.га, т.е.19 тыс.га. В разбивке агроземлепользования доля этой земли прогрессировала на 1,1 п.п. с 0,9% до 2,0%.

В 2022 г. гос. и муниципальной агроземли в регионе находилось 598,0 тыс. га (29,4%), частной-1102,8 тыс. га (54,2%), юрлиц – 334,4 тыс. га (16,4%), т.е. основная доля сельхозземли на Орловщине позиционировалась в агроземсобственности частных сельхоздомохозяйств.

Сравнительно 2020 г. пространство гос. и муниципальной агроземли в 2022 г. в регионе регрессировало на 3,5 тыс. га с 601,5 тыс. га до 598,0 тыс. га (0,6%), частной-на 6, 6 тыс.га с 1109,4 тыс.га до 1102,8 тыс.га (0,6%). Величина же

сельхозземли юрлиц, наоборот, прогрессировала на 9,6 тыс. га с 324,8 тыс. га до 334,4 тыс. га (3,0%).

В 2022 г. сравнительно 2021 г. пространство гос. и муниципальной агроземли незначительно, регрессировало с 598,1 тыс.га до 598,0 тыс.га, т.е на 0,1 тыс.га, частной– на 0,4 тыс.га с 1103,2 тыс.га до 1102,8 тыс.га, а юрлиц, наоборот, прогрессировало на 0,4 тыс.га с 334,0 тыс.га до 334,4 тыс.га (0,1%).

В разбивке земсобственности агросферы Орловщины доля гос. и муниципальной земли в 2022 г. сравнительно 2020 г. регрессировала на 0,2 п.п. с 29,6% до 29,4%, частной – на 0,2 п.п. с 54,4% до 54,2%. Доля же агроземли юрлиц, наоборот, прогрессировала на 0,4 п.п. с 16,0% до 16,4%.

В 2022 г. сравнительно 2015 г. доля гос. и муниципальной сельхозземли регрессировала с 30,3% до 29,4% (0,9 п.п.), а частной – с 56,9% до 54,2% (2,7 п.п.).

В противоположность этому, в 2022 г. сравнительно 2015 г. прогрессировала доля агроземли юрлиц с 12,8% до 16,4% (3,6 п.п.), что характеризует усиление процесса интеграции корпоративной земсобственности и агрегации агроземли.

Основную роль в использовании агроземель парагосударственными агроструктурами в регионе в 2022 г. играли средние и крупные агрохозяйства (86,5%), а также сельхозкооперативы (8,9%).

В 2022 г. сравнительно 2015 г. доля сельхозорганизаций в структуре земли парагосударственных сельхозформирований прогрессировала на 0,5 п.п. с 86,0% до 86,5% в результате агрегирования сельхозземель. Доля же сельхозкооперативов в общем пространстве данных агроструктур регрессировала с 9,4% до 8,9% (0,5 п.п.).

В 2022 г. сравнительно 2021 г. доля базовых парасталов в разбивке парагосударственных агроформирований регрессировала незначительно с 86,6% до 86,5% (0,1 п.п.). В этом же периоде доля агрокооперативов не трансформировалась (8,9%).

Пространство земпаев, используемое парагосударственными агроформированиями, регрессировало в 2022 г. сравнительно 2015 г. с 856,3 тыс. га до 783,8 тыс. га на

72,5 тыс. га (8,5%). В 2022 г. сравнительно 2021 г. этот индикатор редуцировал с 789,4 тыс.га до 783,8 тыс.га, т.е. на 5,6 тыс.га (0,7%).

Размер непризнанных земпаев, апплицируемых парагосударственными сельхозструктурами, регрессировал со 183,8 тыс. га в 2015 г. до 149,9 тыс. га в 2022 г. на 33,9 тыс. га (18,4%). В 2022 г. сравнительно 2021 г. данный индикатор редуцировал со 153,2 тыс.га до 149,9 тыс.га на 3,3 тыс.га (2,2%).

Это свидетельствует о постепенном вовлечении их в сельхозпроизводство на базе агрегирования сельхозземель. Если в 2015 г. доля земпаев, которые использовали сельхозорганизации, составляла 58,4%, то в 2022 г. она равнялась 54,3%, т.е. регрессировала на 4,1 п.п. В 2022 г. сравнительно 2020 г. данный индикатор регрессировал с 55,1% до 54,3% (0,8 п.п.), а сравнительно 2021 г. – с 54,6% до 54,3% (0,3 п.п.).

Доля непризнанных земпаев в агроземлепользовании сельхозорганизаций была исчислена в 2022 г. как 9,6%, тогда как в 2015 г. она насчитывала 11,2%, т.е. регрессировала на 1,6 п.п. В 2022 г. сравнительно 2021 г. этот индикатор редуцировал с 9,8% до 9,6%, т.е. на 0,2 п.п.

Что же касается сельхозкооперативов, то в 2015 г. доля земпаев, которые использовали данные агроформирования, была исчислена как 62,8%, в т.ч. непризнанных земпаев – 26,3%. В 2022 г. вышеназванные индикаторы исчислялись соответственно как 57,6% и 18,7%, т.е. редуцировали соответственно на 5,2 п.п. и 7,6 п.п. В 2022 г. сравнительно 2021 г. пространство земпаев, имплементировавшихся агрокооперативами, регрессировало на 0,2 п.п. с 57,8% до 57,6%, а непризнанных – на 0,4 п.п. с 19,1% до 18,7%.

Эксплуатация агроугодий частниками в 2015 г. сравнительно 1990 г. прогрессировала на 544,5 тыс. га (12,2 раза), в 2021 г. – на 563,6 тыс.га (12,6 раза), а в 2022 г. – на 566,0 тыс.га (12,7 раза)[7], [8]. В 2022 г. сравнительно 2015 г. частное сельхозземлепользование прогрессировало на 21,5 тыс.га с 592,9 тыс. га до 614,4 тыс. га (3,6%).

В этом агроземлепользовании в 2015 г. основное место занимали частные сельхоздомохозяйства, которые располагали

33,9% его пространства, а также использовали 34,2% агроугодий и 46,6% распаханной земли.

В 2022 г. в приватизированном сельхозземлепользовании также доминировали частные сельхоздомохозяйства, располагавшие 36,5% пространства агроземель и 36,9% агроугодий, а также 49,8% земли в культивации.

В 2022 г. сравнительно 2015 г. генеральное пространство частных сельхоздомохозяйств прогрессировало на 2, 6 п.п. с 33,9% до 36,5%. В силу агрегации агроземель доля частных сельхоздомохозяйств в приватизированных агроугодьях в 2022 г. сравнительно 2015 г. прогрессировала с 34,2% до 36,9% (2,7 п.п.), а в обрабатываемой земле – с 46,6% до 49,8% (3,2 п.п.).

В 2022 г. сравнительно 2021 г. доля генерального пространства частных сельхоздомохозяйств в приватизированном агроземлепользовании прогрессировала с 36,4% до 36,5% (0,1 п.п.), агроугодий – с 36,7% до 36,9% (0,2 п.п.), а в культивируемой земле – с 49,4% до 49,8% (0,4 п.п.).

Частное агроземлепользование сельхоздомохозяйств в 2022 г. базировалось на приватизированной земле (40,8%), гос. и муниципальной земле (23,1%), а также земпаях – 33,1% и земли юрлиц – 3,0% [7].

В 2022 г. сравнительно 2021 г. доля приватизированного агроземлепользования частных сельхоздомохозяйств прогрессировала с 39,0% до 40,8% (1,8 п.п.).

Одновременно доля гос. и муниципальной земли регрессировала с 24,6% до 23,1% (1,5 п.п.), а земпаев – с 33,4% до 33,1% (1,3 п.п.) [7], [8].

В 2022 г. сравнительно 2015 г. доля приватизированной земли в частном сельхозземлепользовании прогрессировала с 39,0% до 48,0% (9,0 п.п.), а доля гос. и муниципальной земли – на 13,8 п.п. с 24,5% до 38,3%.

В 2022 г. сравнительно 2021 г. доля приватизированной земли в частном сельхозземлепользовании прогрессировала с 47,4% до 48,0% (0,6 п.п.), а доля гос. и муниципальной земли регрессировала – на 0,6 п.п. с 38,9% до 38,3%.

В 2022 г. сравнительно 2015 г. доля гос. и муниципальной земли в землепользовании частных сельхоздомохозяйств регрессировала с 39,2% до 23,1% (16,1 п.п.).

Доля приватизированной земсобственности в аппликации агроземель частными сельхоздомохозяйствами регрессировала с 46,5% до 40,8% за вышеназванный временной интервал, т.е. на 5,7 п.п.

В сельхозземлепользовании частных агродомохозяйств, как уже указывалось выше, в 2022 г. важное место занимали земпаи, доля которых была исчислена как 33,1% общей его величины против 37,2% в 2015 г.

Тем самым доля земпаев в частном сельхозземлепользовании регрессировала в 2022 г. сравнительно 2015 г. на 4,1 п.п., что несомненно указывает на агрегацию их в контексте девелопмента агросферы.

В 2022 г. сравнительно 1994 г. численность приватизированных сельхоздомохозяйств в регионе сократилось на 25,7%, а среднее пространство частного агродомохозяйства прогрессировало в 3,4 раза, что говорит о положительной динамике агрегации сельхозземли в агросфере.

Агрегирование сельхозземель в 2020-2023 гг. проводилось в регионе на платформе девелопмента земельно-рыночных отношений в агросфере, трансакций с агроземлями.

Доля рыночных трансакций с сельхозземлей, участниками которых выступали юрлица, была исчислена в среднем в 2020-2021 гг. как 74,7% от их числа.

Доля пространства сельхозземли, являвшейся объектом рыночных трансакций в 2023 г равнялась 99,8% от всего пространства земли, реализованного в регионе юрлицами.

Доля ценности сельхозземли в генеральной ценности земли Орловщины, явившейся объектом купли-продажи в регионе юрлицами в 2023 г. была исчислена в среднем как 73,0%.

Доля пространства сельхозземли, выступившей предметом арендных отношений в 2023 г., в среднем была исчислена как 99,0% всей величины земли, арендованных в данном регионе юрлицами.

Юрлица заключили в 2023 г. договоров на аренду агроземель в среднем 71,6% всех договоров аренды в регионе.

В 2023 г. сравнительно 2020-2021 гг.доля агроземли, позиционируемой в качестве объекта рыночных трансакций

юрлицами прогрессировала с 97,8% до 99,8% (2,0 п.п.). В этом же периоде ценность сделок с агроземлей прогрессировала с 67,5% до 73,0% (5,5 п.п.).

В 2023 г. сравнительно 2020-2021 гг. доля договоров юрлиц на аренду агроземли прогрессировала до 71,6% с 63,6% (8,0 п.п.) от генеральной совокупности арендных договоров в регионе.

В Калмыкии проявлялся дифференцированный от странового, а также от Орловщины, уникальный тренд прогресса пространства агроземель в 2010-2023 гг. В 2023 г. сельхозугодья здесь прогрессировали на 55,3 тыс. га (0,8%), с 6885,2 тыс. га до 6940,5 тыс. га сравнительно 2010 г.

В 2023 г. сельхозземля в регионе прогрессировала на 2,1 тыс. га с 6938,4 тыс. га до 6940,5 тыс. га сравнительно 2020 г. Пространство, занимаемое поселениями регрессировало на 0,7 тыс.га с 62,4 тыс.га в 2010 г. до 61,7 тыс. га в 2023 г. (1,1%). Размер индустриальной земли прогрессировал в регионе за данный период времени на 1,2 тыс.га с 15,0 тыс. га до 16,2 тыс.га (8%). Пространство лесной земли прогрессировало на 0,7 тыс. га с 60,2 тыс. га до 60,9 тыс. га (1,2%). Размер водной земли в 2023 г. сравнительно 2010 г. прогрессировал на 1,0 тыс. га с 59,1 тыс. га до 60,1 тыс.га (1,7%). Пространство резервной земли регрессировало на 57,5 тыс. га с 269,6 тыс. га до 212,1 тыс. га (21,3%).

В Калмыкии сельхозугодья в 2023 г. были исчислены как 6940,5 тыс. га или 92,9% от территории республики. Сравнительно 2020 г. в 2023 г. доля вышеуказанной земли прогрессировала на 0,1 п.п. с 92,8% до 92,9%.

Сравнительно 2020 г. в 2023 г. величина земли поселений регрессировала на 0,7 тыс.га с 62,4 тыс.га до 61,7 тыс. га (1,1%).

Размер лесной земли прогрессировал на 0,7 тыс.га с 60,2 тыс.га до 60,9 тыс. га (1,2%). Резервная земля за данный промежуток времени редуцировала на 1,9 тыс.га с 214,5 до 212,6 (0,9%)[9],[10],[11].

В разбивке земфонда республики доля агроземли прогрессировала в 2023 г. сравнительно 1990 г. на 0,8 п.п. (с 92,1% до 92,9%), а поселений, наоборот, регрессировала на 0,1 п.п. (с 0,9% до 0,8%), земрезерва –на 0,7 п.п. (с 3,6% до 2,9%)[9].

Доля гос. и муниципальной земли в регионе в 2023 г. была исчислена как 78,0%, частной – 21,7%, а юрлиц – 0,3%.

Сравнительно 2020 г. доля гос. и муниципальной земсобственности в республике в 2023 г. регрессировала на 0,3 п.п. (с 78,3% до 78,0%), частной, наоборот, прогрессировала с 21,6% до 21,7% (0,1 п.п.), а юрлиц на– 0,1 п.п. (с 0,2% до 0,3%).

В 2023 г. сравнительно 2022 г. частная земсобственность в регионе детерминировалась как 1628,1 тыс.га, т.е. прогрессировала на 4,7 тыс.га с 1623,4 тыс.га (0,3%).

За этот же временной интервал земсобственность юрлиц прогрессировала на 1,5 тыс.га (8,3%)с 18,0 тыс.га и стала насчитывать 19,5 тыс.га.

Пространство земпаев в 2023 г. исчислялось в 910,1 тыс.га, т.е. регрессировало сравнительно 2022 г. на 12,3 тыс.га (1,4%)с 922,4 тыс.га[9],[10].

Однако доминирующую роль в регионе в 2023 г. продолжала играть гос. и муниципальная земсобственность, которая была исчислена в 5824 тыс.га.

В сельхозземлях доля агроугодий в 2022 г. в республике Калмыкии была исчислены как 87,0% от их генерального пространства.

Доля земли в обработке в регионе в 2022 г. была исчислена как 13,8% от генерального пространства агроугодий. Сравнительно 2021 г. в 2022 г. доля культивируемой земли прогрессировала на 0,2 п.п. с 13,6% до 13,8%[10].

Доминирующую роль в агроугодьях в 2022 г. продолжали играть пастбищные земли, доля которых была позиционирована как 84,4%. Сравнительно 2021 г. в 2022 г. доля вышеуказанных земель регрессировала на 0,2 п.п. с 84,6% до 84,4%, что вкупе с прогрессом обрабатываемой земли указывает на рост интенсивности агрохозяйства в республике. В агросфере региона доля гос. и муниципальной земли в 2022 г. была исчислена как 76,4%, частной-23,3%, а юрлиц-0,3%.

В данном году сравнительно 2020 г. доля гос. и муниципальной земли в агросфере регрессировала на 0,3 п.п. (с 76,7% до 76,4%), частной, наоборот, прогрессировала на 0,2 п.п. (с 23,1% до 23,3%), а также юрлиц –на 0,1 п.п. (с 0,2% до 0,3%).

Сравнительно 2021 г. в 2022 г. доля гос. и муниципальной

земли редуцировала на 0,1 п.п. с 76,5% до 76,4%. Доля частной земли в этом периоде, в противоположность этому, прогрессировала на 0,1 п.п. с 23,2% до 23,3%.

Сравнительно 2015 г. в 2022 г. доля гос. и муниципальной земли в сельхозземле регрессировала с 78,3% до 76,4% (1,9 п.п.), частной – прогрессировала с 21,6% до 23,2% (1,6 п.п.), а юрлиц – с 0,1% до 0,3% (0,2 п.п.).

Гос. и муниципальная агроземля регрессировала в 2022 г. сравнительно 2015 г. с 5418,8 тыс. га до 5305,9 тыс. га на 112,9 тыс.га (2,1%). В 2022 г. сравнительно 2021 г. пространство гос. и муниципальной земли регрессировало на 3,4 тыс.га с 5309,3 тыс.га до 5305,9 тыс.га (0,1%). В 2022 г. сравнительно 2020 г. величина этой земли регрессировала с 5318,9 тыс.га до 5305,9 тыс.га на 13,0 тыс. га (0,2%).

Пространство частной сельхозземли в 2022 г. сравнительно 2015 г. прогрессировало с 1494,8 тыс. га до 1615,7 тыс. га на 120,9 тыс. га (8,1%). В 2022 г. сравнительно 2021 г. частная сельхозземля прогрессировала на 7,7 тыс.га с 1608,0 тыс.га до 1615,7 тыс.га (0,5%).

В 2022 г. сравнительно 2020 г. пространство частной сельхозземли прогрессировало с 1601,4 тыс.га до 1615,7 тыс.га на 14,3 тыс.га (0,9%). Однако фундаментом деvelopeмента земсобственности в регионе, а также в его агро сфере, продолжает оставаться гос. и муниципальная земля.

Главное место в сельхозземлепользовании в Калмыкии занимали в 2022 г. парагосударственные агроструктуры. В 2022 г. они обрабатывали 1577,2 тыс. га (22,7% от общего пространства агроземель).

В 2022 г. сравнительно 2021 г. генеральное пространство парастаталов регрессировало на 4,0 тыс.га с 1581,2 тыс.га до 1577,2 тыс.га (0,3%). В 2022 г. сравнительно 2021 г. их доля в пространстве агроземель региона регрессировала на 0,1 п.п. с 22,8% до 22,7%.

В 2022 г. сравнительно 2020 г. их доля в величине сельхозземли регрессировала на 1,1 п.п. с 23,8% до 22,7%. В том же году сравнительно 2020 г. их пространство регрессировало на 72,5 тыс. га с 1649,7 тыс. га до 1577,2 тыс. га (4,4%).

В 2022 г. размер сельхозземлепользования

парагосударственных агроформирований регрессировал в республике на 457,9 тыс. га (22,5%), с 2035,1 до 1577,2 тыс. га сравнительно 2015 г. В 2022 г. сравнительно 2015 г. доля данного вида сельхозземлепользования в величине агроземель региона снизилась на 6,7 п.п. с 29,4% до 22,7% сравнительно 2015 г.

В 2022 г. сельхозорганизации занимали 640,4 тыс. га (9,2% пространства агроземель республики). Сравнительно 2021 в 2022 г. пространство этих хозяйствующих субъектов прогрессировало на 7,5 тыс.га с 632,9 тыс.га до 640,4 тыс.га (1,2%). Доля этих парастаталов в генеральном пространстве агроземель региона в 2022 г. сравнительно 2021 г. прогрессировала на 0,1 п.п. с 9,1% до 9,2%. В 2022 г. сравнительно 2020 г. этот индикатор прогрессировал на 0,7 п.п. с 8,5% до 9,2%[10].

В 2022 г. доля данного сельхозземлепользования в общем пространстве агроземель редуцировала на 1,4 п.п. с 10,6% до 9,2% сравнительно 2015 г. В 2022 г. величина их сельхозугодий регрессировала на 93,4 тыс. га (12,7%)с 733,8 до 640,4 тыс. га сравнительно 2015 г. Сравнительно 2020 г. данный индикатор прогрессировал в рассматриваемом году на 45,7 тыс. га с 594,7 тыс. га до 640,4 тыс. га (7,7%).

Сельхозорганизации в 2022 г. также доминировали в аппликации земпаев (84,4%), используемых парагосударственными агрохозяйствами в регионе. В 2022 г. доля земпаев, арендуемых ими, была исчислена как 84,4%, т.е. сравнительно 2020 г. она регрессировала на 9,7 п.п. с 94,1% до 84,4%.

Доля гос. и муниципальной агроземли, культивируемой сельхозорганизациями, в 2022 г. была исчислена как 93,1% от ее величины, находящейся в возделывании этих парагосударственных агроформирований, что на 4,7 п.п. больше 2020 г. (88,4%).

В 2022 г. доля этих агроземель в пространстве агроземлепользования данных сельхозорганизаций регрессировала на 2,9 п.п. с 96,0% до 93,1% сравнительно 2015 г. Однако сравнительно 2021 она прогрессировала на 0,8 п.п. с 92,3% до 93,1% [10],[11].

В 2022 г. сельхозорганизации занимали 40,6% от

пространства сельхозземли, апплицируемой парагосударственными агропредприятиями, что на 4,6 п.п. прогрессировало сравнительно 2020 г. (36,0%). В 2022 г. сравнительно 2021 г. эта доля прогрессировала на 0,6 п.п. с 40,0% до 40,6%.

В 2022 г. сельхозорганизации использовали 39,9% агроугодий, а также 56,8% культивируемой земли парагосударственных агроформирований. В 2022 г. сравнительно 2021 г. эти индикаторы прогрессировали соответственно на 0,7 п.п. (с 39,2% до 39,9%) и 4,1 п.п. (с 52,7% до 56,8%).

Сравнительно 2010 г. доля этих агропредприятий в сельхозугодьях в 2022 г. прогрессировала с 23,3% до 39,9% (16,6 п.п.), а по возделываемой земле – на 30,0 п.п. с 26,8% до 56,8%.

Пространство же их агроугодий прогрессировало с 464,3 тыс. га до 493,5 тыс. га на 29,2 тыс. га (6,3%). Размер культивируемой земли сельхозорганизаций в исследуемом временном интервале прогрессировал с 48,4 тыс.га до 68,5 тыс.га на 20,1 тыс.га (41,5%)[10],[11].

Сельхозкооперативы занимали 644,6 тыс. га (9,3% от сельхозземли республики) в 2022 г. В 2022 г. сравнительно 2021 г. их пространство редуцировало на 12,7 тыс.га с 657,3 тыс.га до 644,6 тыс.га (1,9%).

Сравнительно 2020 г. в 2022 г. размер их сельхозземли регрессировал с 765,0 тыс.га до 644,6 тыс.га или на 120,4 тыс.га (15,7%). Доля сельхозземли агрокооперативов в величине агроземли региона регрессировала с 11,0% до 9,3% (1,7 п.п.) в этом временном интервале. Сравнительно 2021 г. в 2022 г. доля этой земли редуцировала с 9,5% до 9,3% (0,2 п.п.) [10],[11].

В 2022 г. размер земли сельхозкооперативов регрессировал на 334,9 тыс. га (34,2%), с 979,5 до 644,6 тыс. га сравнительно 2015 г. В 2022 г. доля сельхозземлепользования агрокооперативов в общей величине сельхозземли региона регрессировала на 2,8 п.п. с 12,1% до 9,3% сравнительно 2015 г.

Доля гос. и муниципальной агроземли сельхозкооперативов в 2022 г. была исчислена как 96,2% против 96,9% от их размера в 2020 г., т.е. регрессировала на 0,7 п.п. В 2022 г. доля этой агроземли сельхозкооперативов в величине их

сельхозземлепользования редуцировала с 99,3% до 96,2% (3,1 п.п.)сравнительно 2015 г. В 2022 г. сравнительно 2021 г. данный индикатор регрессировал на 0,1 п.п. с 96,3% до 96,2%. [10].

Агрокооперативы в 2022 г. занимали 40,9% против 46,3% в 2020 г. генерального сельхозпространства парагосударственных агроструктур. Их доля в 2022 г. регрессировала на 5,4 п.п. сравнительно 2020 г. В 2022 г. доля сельхозкооперативов в структуре агроземлепользования парагосударственных агроформирований в регионе регрессировала с 48,1% до 40,9% (7,2 п.п.)сравнительно 2015 г.

В 2022 г. сравнительно 2021 г. доля агрокооперативов в разбивке сельхозземли парастаталов редуцировала на 0,7 п.п. с 41,6% до 40,9%. Сравнительно 2010 г. доля агроугодий сельхозкооперативов в структуре этой земли парагосударственных агроформирований в 2022 г. регрессировала с 52,4% до 44,3% (8,1 п.п.).

Пространство этой земли регрессировало с 1047,0 тыс. га в 2010 г. до 547,8 тыс. га в 2022 г. на 499,2 тыс. га (47,7%).

Сравнительно 2010 г. доля культивируемой земли агрокооперативов в ее структуре парагосударственных агроформирований в 2022 г. регрессировала с 40,4% до 21,7% (18,7 п.п.). Пространство же этой земли регрессировало с 72,9 тыс. га в 2010 г. до 26,2 тыс. га в 2021 г. на 46,7 тыс. га (64,1%).

В 2022 г. сравнительно 2021 г. пространство агроугодий сельхозкооперативов редуцировало на 12,5 тыс.га с 560,3 тыс.га до 547.8 тыс.га (2,2%), а культивируемой земли – на 5,4 тыс.га с 31,6 тыс.га до 26,2 тыс.га (17,1%)[10],[11].

Сравнительно 2010 г. доля агроугодий частных сельхоздомохозяйств в пространстве этой земли в 2022 г. прогрессировала с 62,2% до 66,4% (4,2 п.п.). Пространство же данной земли прогрессировало с 1974,0 тыс. га в 2010 г. до 2823,6 тыс. га в 2022 г. на 849,6 тыс. га (43,0%).

В 2022 г. сравнительно 2021 г. доля сельхозугодий частных сельхоздомохозяйств прогрессировала на 0,2 п.п. с 66,2% до 66,4%, а пространство этой земли на 24,9 тыс.га с 2798,7 тыс.га до 2823,6 тыс.га (0,9%)[10],[11].

Сравнительно 2010 г. доля обрабатываемой земли частных сельхоздомохозяйств в структуре этой земли в 2022 г.

прогрессировала с 36,9% до 37,5% (0,6 п.п.).

Пространство этой земли прогрессировало с 200,1 тыс. га в 2010 г. до 241,9 тыс. га в 2022 г., т.е. на 41,8 тыс. га (20,9%).

В 2022 г. сравнительно 2021 г. доля земли в культивации прогрессировала на 1,1 п.п. с 36,4% до 37,5%, а пространство данной земли прогрессировало на 14,1 тыс.га с 227,8 тыс.га до 241,9 тыс.га (6,2%).

Значительное место в Калмыкии в частном сельхозземлепользовании занимают земпаи. Их размер в 2022 г. был исчислен как 872,9 тыс. га (57,6% от величины приватизированных земель).

Сравнительно 2021 г. в 2022 г. пространство земпаев регрессировало на 7,3 тыс.га с 880,2 тыс.га до 872,9 тыс.га (0,8%), а доля на 0,8 п.п. с 58,4% до 57,6%. Сравнительно 2020 г. в 2022 г. величина земпаев прогрессировала на 1,4 тыс.га (0,2%). с 871,5 тыс.га до 872,9. Доля их в приватизированной земле регрессировала на 1,4 п.п. с 59,0% до 57,6 в исследуемом периоде.

В 2022 г. доля земпаев в размере частного агроземлепользования регрессировала на 7,3 п.п. с 26,3% до 19,0% сравнительно 2015 г.

Сравнительно 2020 г. в 2022 г. их доля, наоборот, несущественно прогрессировала с 18,6% до 19,0% (0,4 п.п.)[10],[11].

В Калмыкии в исследуемом периоде (1992-2022 гг.)также наблюдался уникальный тренд роста численности частных сельхоздомохозяйств наряду с прогрессом их среднего пространства. В 2022 г. число частных сельхоздомохозяйств прогрессировало сравнительно 1992 г. в 10,5 раза.

В 2022 г. величина сельхозземли частных сельхоздомохозяйств прогрессировала сравнительно 1992 г. в 18,7 раза. Среднее пространство частного сельхоздомохозяйства в регионе в 2022 г. было исчислено как 1026 га.

Данный индикатор прогрессировал в 2022 г. сравнительно 1992 г. в 1,8 раза на платформе агрегации сельхозземель. В 2021 г. сравнительно 2020 г. пространство частного сельхоздомохозяйства незначительно регрессировало на 45 га с 1064 га до 1019 га (4,2%), что свидетельствовало о достижении

данной организационной формой хозяйствования на селе оптимальных размеров функционирования [10], [11].

Однако в 2022 г. сравнительно 2021 г. среднее пространство частного сельхоздомохозяйства снова прогрессировало на 7 га с 1019 га до 1026 га (6,9%) [10],[11].

Итак, в настоящее время в агросфере происходит укрупнение агроземсобственности на платформе агрегирования сельхозземли, которая обеспечивает рост результативности агробизнеса за счет редукции трансакционных издержек [12].

Регрессируют гос. и муниципальное, а также частное сельхозземлевладение и сельхозземлепользование. Одновременно происходит увеличение места, роли и значения в них юрлиц, что, в частности, проявляется в продолжающемся формировании сельхозкорпораций агрохолдинговой композиции [13].

В связи с этим особую актуальность имеет инновационное и инвестиционное проектирование агрегирования сельхозземли[14] в целях дальнейшего роста результативности агросферы и 3D-девелопмента агроместности [15].

Действенным инструментом имплементирования рыночной, гибкой системы агроземлевладения и агроземлепользования позиционируется также рынок сельхозземель, функционирование которого носит несовершенный характер в силу воздействия негативных экстерналий[16].

Поэтому фундаментальную роль здесь играет совершенствование рентного регулирования агросферы[17] на платформе имплементации аукционной торговли сельхозземлей, которая обеспечит формирование объективных равновесных цен на агроземельные массивы[18], конституирование оптимальных масштабов агропроизводства[19],[20].

Основные выводы конституируются в следующем.

1.В агросфере продолжается процесс концентрации земсобственности и, соответственно, земренты на платформе консолидации агроземель сельхозкорпорациями агрохолдинговой композиции, что выступает в качестве фундамента для прироста отдачи сельхозпроизводства, девелопмента агропродсуверенитета, формирования экспортных

потенций агробизнеса, трансферта от импортозамещения к экспорту агропродукции.

2. Сокращается доля гос. и муниципальной, а также частной земли при одновременном росте корпоративной.

3. В сельхозземлепользовании парагосударственных агропредприятий выявлен тренд приращения доли сельхозорганизаций за счет редукции доли агрокооперативов.

4. Продолжает действовать тренд экспансии относительно небольших частных сельхоздомохозяйств при увеличении пространства агроугодий и сокращении количества данных хозяйств.

5. В силу обширности территории страны и дифференциации потенциалов агропроизводства в природном, почвенном, климатическом, экономическом, а также прочих аспектах, вышеобозначенные тренды агрегации сельхозземель выражаются подчас модифицировано или уникально как, например, в Калмыкии.

6. Консолидация земель выступает в качестве фундамента для результативного функционирования прогрессивной репродукции в агросфере, что создает потенциалы для роста ее отдачи посредством редукции транзакционных расходов.

7. Необходимо принять комплекс нижеследующих мер, сфокусированных на поощрении интеграции сельхозземель в агросфере, а именно:

- федеральное и региональное законодательство, регламентирующее развитие рынка сельхозземель должно быть реформировано и улучшено на платформе принципов и требований рыночной экономики;

- необходимо ввести законодательное и правовое регулирование оптимальных размеров сельхозземлепользования агропроизводителей на региональном уровне;

- институциональная база для развития агрегации сельхозземель, базирующаяся на рыночных принципах должна быть создана как на федеральном, так и на региональном уровнях;

- для развития рынка сельхозземель следует обеспечить экспансию аукционной торговли агроземельными участками;

- стартовые цены аукционов на сельхозземлю следует

детерминировать на фундаменте их моделирования;

- ставки земельного и арендной платы за сельскохозяйственную землю необходимо конституировать на платформе стартовых аукционных цен на сельскохозяйственную землю;

- для поощрения формирования оптимальных пространств сельскохозяйственного использования следует дифференцировать ставки земельного для агропроизводителей на фундаменте занимаемого ими агропространства;

- с целью привлечения дополнительных внешних инвестиций в агропроизводство на платформе развития ипотеки залоговую стоимость сельскохозяйственных целесообразно также детерминировать на базе стартовых аукционных цен агроземли;

- следует имплементировать обучающие потенциалы для развития методологии и методики интеграции сельскохозяйственных как объектов недвижимости в агросфере;

- для достижения демонстрационного эффекта от имплементации мер по агрегации сельскохозяйственных в агросекторе должны быть запущены венчурные механизмы, сфокусированные на агрегацию сельскохозяйственных на уровне регионов;

- земпроектные по интеграции сельскохозяйственных должны имплементироваться на платформе инвестиционного проектного анализа, предполагающего детерминацию их финансовой и экономической эффективности на фундаменте международных стандартов ведения бухгалтерского;

- опыт интеграции сельскохозяйственных в агросфере должен быть накоплен, изучен и имплементирован на практике.

8. Возникает объективная и настоятельная необходимость имплементировать разносторонние средства для оказания господдержки и поощрения агрегации сельскохозяйственных на платформе развития земельного в агросфере путем приложения и экспансии аукционной торговли сельскохозяйственными на фундаменте формирования равновесных цен агроземель.

9. Вследствие этого, особое значение имеет совершенствование рентного регулирования агросферы на фундаменте улучшения функционирования земельного, арендных платежей, сельскохозяйственной ипотеки, компенсаций и возмещений ущерба

агротоваропроизводителям при необоснованном изъятии и загрязнении их сельхозземель и т.д.

Список использованных источников и литературы:

[1] Сагайдак А.Э., Сагайдак А.А. Экономика и организация сельскохозяйственного производства. Учебник. – Москва: КноРус, 2021– 418 с.;

[2] Борисова Т.Ю., Шамин А.Е. Воспроизводство и использование земель сельскохозяйственного назначения на региональном уровне // Вестник НГИЭИ,.2023-№11 (150)-с.77-89;

[3] Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в РФ в 2023 г. – Москва: Росреестр, 2022, URL: <http://ftp.rosreestr.gov.ru>;

[4] Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в РФ в 2022 г. – Москва: Росреестр, 2023, URL: <http://ftp.rosreestr.gov.ru>;

[5] Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в РФ в 2021 г. – Москва: Росреестр, 2024, URL: <http://ftp.rosreestr.gov.ru>;

[6] Топ-64 владельцев сельскохозяйственной земли-2025, URL: <http://ftp.zol.ru>;

[7] Региональный доклад о состоянии и использовании земель в Орловской области за 2022 г. – Орел: Управление государственной регистрации, кадастра и картографии по Орловской области, 2023, URL: <http://ftp.rosreestr.ru>;

[8] Региональный доклад о состоянии и использовании земель в Орловской области за 2021 г. – Орел: Управление государственной регистрации, кадастра и картографии по Орловской области, 2022, URL: <http://ftp.rosreestr.ru>;

[9] Доклад о состоянии и использовании земель в Калмыкии в 2023 г. – Элиста: Управление государственной регистрации, кадастра и картографии по Республике Калмыкия, 2024, URL:<http://ftp.rosreestr.ru>;

[10] Доклад о состоянии и использовании земель в Калмыкии в 2022 г., Элиста: Управление государственной регистрации, кадастра и картографии по Республике Калмыкия, 2023, URL:<http://ftp.rosreestr.ru>;

[11] Доклад о состоянии и использовании земель в Калмыкии в 2021 г., Элиста: Управление государственной регистрации, кадастра и картографии по Республике Калмыкия, 2022, URL:<http://ftp.rosreestr.ru>;

[12] Сагайдак А.А. Устойчивое развитие сельского хозяйства как фактор обеспечения продовольственной безопасности страны//Землеустройство, кадастр и мониторинг земель, 2024 -№2– с.90-95;

[13] Сагайдак А.Э., Сагайдак А.А. Экономика и организация сельскохозяйственного производства: практикум. – Москва: КноРус, 2023-378 с.;

[14] Макурина Ю.А., Шелковников С.А. Управление развитием сельских территорий (на материалах Новосибирской области). Новосибирск. ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2023-235 с.;

[15] Быкова Е.Н. Государственное регулирование негативных инфраструктурных экстерналий в системе земельных отношений// Вопросы экономики, 2024 -№2 -с.125-144;

[16] Сагайдак А.Э., Сагайдак А.А. Экономические и правовые основы производственной деятельности: учебник. – Москва: КноРус, 2024 -192 с.;

[17] Сагайдак А.Э. Современные тенденции развития консолидации земель в сельском хозяйстве России: монография. – Generis Publishing, 2024-124 с.;

[18] Estudos em Ciências Exatas e da Terra: Desafios, Avanços e Possibilidades II. Sagaydak, Alexander, Sagaydak, Anna e outros. – 2024. – 123p.;

[19] Sagaydak Al., Sagaydak An. (2022)Agricultural Land Consolidation vs. Land Fragmentation in Russia //International Journal of Engineering and Geosciences, №7 (2)-p.128-141.;

[20] Sagaydak Al., Sagaydak An. (2022)Agricultural Land Consolidation in Russia. Experience and challenges. Monography. ISBN 978-613-8-97037-8. – Scholars Press, 2022. – 85p.

© А.А. Сагайдак, 2025

*М.П. Салазникова,
студент 5 курса
спец. «Эксплуатация железных дорог»,
Ю.Н. Касмова,
к.э.н., доцент,
УрГУПС,
г. Екатеринбург, Российская Федерация*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К РАСПРЕДЕЛЕНИЮ ПЕРЕВОЗОК МЕЖДУ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ И АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИЗНЕС-ЕДИНИЦ

Аннотация: проблема распределения перевозок между железнодорожным и автомобильным транспортом является актуальной темой исследования в области транспортной логистики и экономики. Современный транспортный рынок характеризуется интенсивностью грузопотоков, растущими потребностями бизнеса и населения в быстрых и надежных перевозках грузов и пассажиров. Железнодорожный и автомобильный виды транспорта имеют свои преимущества и недостатки, влияющие на выбор способа транспортировки груза.

Ключевые слова: распределение, железнодорожный транспорт, автомобильный транспорт, взаимодействие, грузопоток, перевозка, развитие, инфраструктура, система, финансовая нагрузка, груз, транспортный узел, транспортный рынок.

Введение.

Транспортная система представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых видов транспорта, обеспечивающих выполнение перевозок. Обычно термин «транспортная система» употребляется применительно к государству, региону или крупному городу [1].

В настоящее время транспортная система Российской Федерации традиционно состоит из ряда основных видов

транспорта: железнодорожного (часто называемого рельсовым), морского, внутреннего водного (речного), автомобильного, воздушного и трубопроводного, включающего нефтепроводы, продуктопроводы (предназначенные преимущественно для транспортировки нефтепродуктов) и газопроводы.

Можно заметить, что отдельные виды транспорта различаются по своим конструктивным особенностям и физическим характеристикам движения, тогда как другие выделяются в зависимости от сферы применения или характера выполняемых работ [2].

Ключевые характеристики работы транспорта.

Современная российская экономика переживает сложный этап преобразований, затрагивающих как изменение структуры производства (рост отраслей, ориентированных на внутреннее производство технологий и замещение импорта), так и переориентацию географического направления внешнеэкономической активности (смена приоритетов с европейского на азиатский регион).

Этот процесс существенно повышает значимость транспортной отрасли, гарантирующей стабильное функционирование национального хозяйства. Изменяется география товародвижения, усиливаются существующие трудности (например, износ существующей инфраструктуры и растущие потребности требуют внедрения современных технологических решений), возникают предпосылки для переосмысления традиционных методов управления и анализа системы функционирования транспорта.

Одной из ключевых характеристик работы транспортного комплекса является распределение грузоперевозок по видам транспорта.

За последние тридцать лет объемы железнодорожных перевозок выросли незначительно, тогда как автоперевозки увеличились более, чем в четыре раза. Динамика показателей трубопроводного транспорта свидетельствует о двукратном увеличении объема перевезенных грузов, а морские и внутренние водные пути утратили значительную долю влияния, хотя некоторое оживление наблюдается в последнее время. Воздушный транспорт, обладая незначительной долей общего

объема перевозок, продемонстрировал четырехкратное увеличение грузооборота.

При изучении динамики грузооборота важно учитывать изменения протяженности путей сообщений. Последние три десятилетия отмечены значительными переменами в экономике России: рост международной интеграции, смена форм собственности, рост малого и среднего предпринимательства, открытие новых месторождений природных ресурсов. Эти факторы предопределили потребность в изменении конфигурации транспортной сети: строительстве новых магистралей, модернизации действующих коммуникаций и ликвидации устаревших объектов инфраструктуры.

Таким образом, можно отметить, что остро ощущают недостаток необходимой инфраструктуры железнодорожный и автомобильный транспорт. Городская дорожная ситуация характеризуется серьезными заторами, решение которых пока остается нерешенным даже при значительных вложениях в дорожно-строительную отрасль. Аналогичные трудности испытывает и железнодорожный транспорт: около десяти процентов участков путей являются перегруженными, число простаивающих вагонов растет. Рост объемов перевозок обеспечивается технологическими усовершенствованиями (увеличением массы состава, использованием вертикальной сцепки и прочими мерами), однако потенциал такого подхода ограничен, и без расширения железнодорожной сети проблему невозможно решить окончательно [3].

Проблемы распределения грузовых перевозок между автомобильным и железнодорожным транспортом.

Распределение перевозок между видами транспорта определяет их вклад и значимость в экономике государства. Важнейшими количественными показателями, отражающими такое распределение, выступают объем перевезённых грузов (тонн) и грузооборот (тонно-километров), осуществляемые каждым отдельным видом транспорта. Среди этих двух показателей наиболее важным является показатель грузооборота, поскольку он учитывает не только общий объём перевозок, но и расстояние, на которое были перевезены грузы. Значительное влияние на величину грузооборота оказывает

расположение производственных мощностей, разработка месторождений в новых регионах, уровень развития промышленности, сельского хозяйства, капитального строительства и торгового оборота внутри страны [4].

Ведущую позицию на российском транспортном рынке по объёму выполненных транспортных операций (грузообороту) продолжает занимать железнодорожный транспорт. Важно подчеркнуть, что, исключив международное морское судоходство и технологические перевозки автомобильного транспорта, удельный вес железных дорог во внутреннем грузообороте достигает приблизительно двух третей.

Средняя длина маршрута перевозки также играет важную роль в оценке роли отдельных видов транспорта. Средняя дальность перевозок на железной дороге составляет порядка 1223 километров, тогда как на автомобильном транспорте эта цифра равняется примерно 21 километру. Из-за этого, несмотря на лидирующее положение автотранспорта по общему количеству транспортируемого груза, по показателю грузооборота они занимают лишь четвёртое место, уступая железнодорожному, трубопроводному и морскому транспорту.

Проблема перераспределения грузопотоков между железнодорожным и автомобильным транспортом связана с изменением соотношения объемов перевозок. В 2024 году объем железнодорожных перевозок сократился на 4,2%, в то время как автомобильные перевозки выросли на 8,3% [5].

Приведём анализ факторов, влияющих на работу транспорта.

Факторы, влияющие на работу железнодорожного транспорта:

1. Ограничения инфраструктуры: нехватка подвижного состава и низкая скорость оборота вагонов (более 48 тыс. вагонов простаивали летом 2025 года).

2. Перегрузка направлений, таких как Байкало-Амурская магистраль и Транссибирская линия.

3. Сложности согласования заявок на перевозки: превышение запросов над возможностями железных дорог ведет к ограничениям.

4. Финансовая нагрузка на грузоотправителей: задержки оплаты из-за влияния санкций и кризисного состояния экономики приводят к снижению темпов обработки грузов.

Факторы, влияющие на работу автомобильного транспорта:

1. Увеличение расходов перевозчиков вследствие роста стоимости топлива, лизинга и утилизации.

2. Недостаток квалифицированного персонала: молодежь неохотно выбирает профессию водителя из-за тяжелых условий труда и низких зарплат.

3. Логистические затруднения: загруженность дорожной сети и отсутствие достаточных парковок и сервисов.

Предлагаемые меры для решения проблемы распределения перевозок:

1. Введение гибких тарифов, поощряющих использование транспорта в периоды наименьшей нагрузки и по направлениям с меньшей загрузкой, способствует уменьшению перегрузки важных узлов и сокращению простоев.

2. Развитие комбинированных маршрутов, сочетающих автомобильный и речной транспорт, позволит разнообразить логистические схемы, особенно в летний период, когда доступна навигация.

3. Применение интеллектуальных систем прогнозирования и планирования загрузки с использованием технологий искусственного интеллекта и больших данных повысит эффективность управления подвижным составом и ускорит возвращение вагонов.

4. Поддержка программы льготных тарифов для стратегических отраслей и маршрутов, зависящих от экспортных рынков, облегчит доступ к необходимым ресурсам и повысит конкурентоспособность компаний.

Несмотря на существование определенной конкуренции между железнодорожным и автомобильным транспортом, технический прогресс, развитие инфраструктуры и необходимость поддержки экономических связей привели к осознанию важности тесного сотрудничества этих двух систем. Они эффективно работают вместе, компенсируя слабые стороны друг друга.

Причиной, по которой грузоотправители и грузополучатели прибегают к необходимости перевозки груза несколькими видами транспорта, является отсутствие удобной прямой связи между начальным и конечным пунктом назначения.

Взаимодействие различных видов транспорта осуществляется в транспортных узлах, в которых происходит весь грузопоток, осуществляется перевалка грузов из одного транспортного средства в другой. Только автомобильный транспорт способен обеспечить прямую доставку «от двери до двери», если имеется необходимая дорожная сеть [6].

Совмещение железнодорожного и автомобильного способов транспортировки стало распространенным решением. Применение мультимодальных перевозок открывает ряд преимуществ: возможность поручить организацию доставки одной компании; организация перевозок на большие расстояния, что актуально для огромной территории России; сокращение расходов на транспортировку, хотя ж/д перевозки дешевле, но ограничение числа путей мешает доставке в удалённые районы; упрощение процедуры документооборота и технического согласования; гибкость маршрутов, позволяющая учитывать пожелания клиентов.

Заключение

Анализ научных трудов, затрагивающей оптимизацию Подводя итог, можно отметить, что сложившееся распределение транспортных потоков между различными видами транспорта сложно оценить как эффективное. Одни виды транспорта перегружены и эксплуатируются сверх меры, другие же заметно недозагружены, что приводит к нецелесообразному использованию средств, потраченных на их развитие.

Поэтому целесообразно усилить государственное регулирование в данной сфере, создавая экономические условия для оптимального распределения ресурсов между видами транспорта и перехода к стратегии опережающего развития транспортной инфраструктуры относительно общего уровня экономического роста.

Список использованных источников и литературы:

[1] Терешина Н.П., Лapidус А.А. Экономика и управление на транспорте. – Москва: РУДН. – 2018.

[2] Тимухина Е.Н., Рачек С.В., Лисенко О.А. Экономика отрасли. – УрГУПС. – 2003.

[3] Абрамова Г.П., Костюк Г.Ф. Экономика и организация транспортного хозяйства. – Санкт-Петербург: БХВ-Петербург. – 2018.

[4] Соколов Ю.И., Коцоева В.С. Проблемы распределения грузовых потоков по видам транспорта // Научная статья. Журнал «Морские порты» №5. – 2023.

[5] Министерство транспорта Российской Федерации. Итоги деятельности Минтранса России за 2024 год / Министерство транспорта Российской Федерации. – 2025. – 120 с.

[6] Исаев А.В., Кунарев Е.А. Интеграция различных видов транспорта в современной логистике // Вестник Московского университета путей сообщения №3. – 2019. – С. 12-21.

© М.П. Салазникова, Ю.Н. Касьмова, 2025

В.М. Флоря,
*д.с.н., профессор кафедры ГиСЭД
РЭУ им. Г.В. Плеханова (Тульский филиал),
г. Тула, Российская Федерация*

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ РОССИИ: ЗЕРКАЛО И ДВИГАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Молодежные субкультуры в России представляют собой значимый, хотя и часто недооцениваемый, объект для социально-экономического анализа. Их формирование и динамика тесно связаны с макроэкономическими условиями, уровнем безработицы среди молодежи и доступностью социальных лифтов. Различные субкультуры – от хип-хопа и киберспортивных сообществ до более нишевых групп – отражают не только эстетические предпочтения, но и экономическое расслоение общества, предлагая альтернативные модели потребления и самореализации в условиях, когда формальные институты могут оказаться неэффективными. Анализ экономической активности этих групп, включая их вклад в креативную экономику, потребление контента и формирование рынков товаров (одежда, музыка, технологии), позволяет глубже понять структуру неформальной занятости и потенциал для инноваций.

Кроме того, молодежные субкультуры служат своего рода барометром социального напряжения и перспектив развития человеческого капитала. Экономический успех или стагнация в определенных секторах напрямую влияет на привлекательность тех или иных субкультурных практик: например, рост сектора IT может стимулировать развитие геймерских и технологических сообществ, в то время как экономическая нестабильность может подталкивать молодежь к протестным формам самовыражения, фокусируясь на идеологии потребления или, наоборот, на минимализме. Таким образом, изучение субкультур позволяет экономистам и социологам видеть не только статистические данные, но и поведенческие паттерны, которые в долгосрочной перспективе формируют

квалификацию рабочей силы и структуру внутреннего рынка.

Изучение этих явлений также важно для оценки эффективности государственных инвестиций в молодежную политику. Если субкультуры становятся площадками для развития навыков (например, предпринимательских или цифровых), они могут рассматриваться как неформальные образовательные кластеры. Однако, если они концентрируют маргинализированные слои населения, не находящие применения своим способностям в легальном секторе экономики, они могут представлять собой скрытый резерв социального риска. Комплексный социально-экономический анализ молодежных субкультур позволяет государству и бизнесу более точно таргетировать социальные программы, формировать адекватную повестку занятости и стимулировать те формы самоорганизации, которые способствуют устойчивому экономическому развитию страны.

Молодежь всегда была барометром социальных изменений, а молодежные субкультуры – ярким отражением глубинных процессов, происходящих в обществе. В России, с её богатой историей трансформаций и многообразием культурных ландшафтов, субкультуры перестали быть просто формой досуга. Они превратились в значимый, хотя и часто недооцениваемый, фактор социально-экономического анализа.

Понимание того, как молодежь самоорганизуется, потребляет и формирует ценности вне доминирующей культуры, дает экономистам и социологам не только качественные данные о настроениях, но и количественные показатели о новых рынках, моделях занятости и социальных рисках.

Субкультуры тесно связаны с экономическими условиями, в которых они зарождаются и развиваются.

Каждая субкультура (будь то хип-хоп, панк, киберспорт или аниме-сообщество) формирует собственный уникальный набор потребляемых товаров и услуг. Анализ этих паттернов позволяет выявить:

- Спрос на нишевые продукты. Например, растущая популярность К-Поп в России стимулирует спрос на корейскую косметику, одежду и образовательные услуги.

– Уровень доходов и доступность. Более дорогие субкультуры (например, связанные с премиальными гаджетами или музыкальным оборудованием) могут указывать на рост благосостояния определенных слоев молодежи, тогда как субкультуры, основанные на DIY (сделай сам) или старой одежде, свидетельствуют о поиске экономичных решений.

– Многие современные субкультуры генерируют новые формы занятости. Блогеры, стримеры, создатели мерча, организаторы тематических фестивалей – все они демонстрируют переход от традиционных моделей работы к экономике создателей (Creator Economy). Анализ этой сферы показывает гибкость молодежи в поиске заработка в условиях нестабильного рынка труда.

Субкультуры часто маркируют социальное и географическое расслоение.

В крупных мегаполисах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург) субкультуры более разнообразны и быстро обновляются, имея доступ к глобальным трендам и инфраструктуре. В малых городах и регионах субкультуры могут быть более консервативными или, наоборот, радикально локализованными, часто формируясь как реакция на отсутствие возможностей.

Принадлежность к определенной группе дает молодежи символический капитал. В условиях, когда формальное образование не гарантирует успеха, субкультурная идентичность (знание специфического сленга, истории движения) становится важным активом при неформальном трудоустройстве или нетворкинге.

Молодежные субкультуры – это не только музыка и мода, но и площадки для формирования гражданской позиции.

Исторически субкультуры служили формой протеста против застойных явлений в экономике и политике. Сегодня их формы изменились: прямой протест часто заменяется цифровым активизмом или эскапизмом (уход в фэнтези-миры, гейминг).

Социо-экономический анализ должен отслеживать, когда эскапистские субкультуры начинают трансформироваться в коллективные формы выражения недовольства, особенно если это связано с проблемами будущего трудоустройства,

доступностью жилья или образования.

Одним из ключевых вызовов для анализа является коммерциализация и "мейнстримизация" субкультур. Когда субкультура становится прибыльной, она теряет свою первоначальную, часто антисистемную, функцию.

Массовый интерес к субкультурам прошлого (например, возрождение интереса к "лихим 90-м" или "нулевым") часто стимулируется не молодежью, а маркетинговыми стратегиями, направленными на потребителя среднего возраста. Это искажает чистую картину молодежной самоидентификации, но при этом создает отдельный экономический сегмент – ностальгический туризм и потребление.

В заключение делаем вывод, что молодежные субкультуры России – это не просто маргинальная периферия, а живой, динамичный социальный срез. Они отражают экономические барьеры, потребительские приоритеты и ценностные трансформации, происходящие в стране. Игнорирование этих явлений в социально-экономическом анализе лишает исследователей и политиков ценного понимания того, как формируется будущий трудовой ресурс, потребитель и гражданин России. Понимание языка субкультур – это ключ к пониманию будущего российской экономики и общества.

Игнорирование субкультурной динамики лишает социально-экономический анализ важного пласта данных о том, как будущий трудоспособный класс России адаптируется к меняющейся экономической реальности.

Список использованных источников и литературы:

[1]. Бааке Д. Молодежь и субкультура / Д. Бааке. – М.: «Мысль», 2009. – 70 с.

[2]. Васильева Н.И. Человек играющий: картина мира в субкультуре геймеров // Интернет и фольклор. Сборник статей / Н.И. Васильева. – М.: ГРЦРФ, 2009. – 208 с.

[3]. Глушкова О.М. Теоретические аспекты анализа субкультуры // «Архитектон: известия вузов» №26 / О.М. Глушкова. – Вологда, 2014. – 130 с.

[4]. Гогугева М.М. Специфика негативного влияния субкультуры на развитие личности подростка // Вестник

томского государственного педагогического университета / М.М. Гогугева. – Томск, 2010. – 159 с.

[5]. Низиков М.А. Деструктивные субкультуры. // Мир образования – образование в мире / М.А. Низиков. – 2009. – 16 с.

[6]. Селецкая Т.В. Молодежная субкультура в условиях мегаполиса / Т.В. Селецкая. – 2009, – 65 с.

[7]. Шейко А.О. Субкультура как стиль жизни современных молодых людей / А.О. Шейко, 2011. – 2 с.

[8]. Шулдик Г.О. Субкультура в подростковом возрасте / Г.О. Шулдик, 2011. – 468 с.

© В.М. Флоря, 2025

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.В. Домнина,
студентка 3 курса
напр. «Радиационная безопасность»,
науч. рук.: **А.Б. Авдонина,**
Димитровградский инженерно-технологически
институт – филиал «Национального
ядерного университета «МИФИ»,
г. Димитровград, Российская Федерация

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ И НОРМАТИВНАЯ БАЗА В ОБЛАСТИ РАДИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: статья посвящена всестороннему анализу системы законодательных и нормативных документов, которые закрепляют основные положения, цели и задачи, а также механизмы обеспечения радиационной безопасности. В статье освещается роль международных нормативно-правовых документов, закрепляющих нормы радиационной безопасности, а также роль Госкорпорации «Росатом» в регулировании отношений в области радиационной безопасности.

Ключевые слова: система регулирования радиационной безопасности, международные нормативно-правовые акты, законодательная система в области радиационной безопасности России, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом».

Радиоактивное излучение представляет собой важный аспект радиационной безопасности, и защита населения от его вредных воздействий является одной из приоритетных задач современного законодательства. Радиоактивные материалы могут возникать как в естественных условиях, так и в результате деятельности человека, что делает необходимость регулирования в этой области еще более актуальной. Важно подчеркнуть, что радиационная безопасность населения – это состояние защищенности от вредного влияния ионизирующего излучения, возникающего при радиоактивном распаде и

ядерных трансформациях.

Законодательство в области радиационной безопасности активно развивалось с момента открытия радиации и сейчас представляет целую систему нормативных актов.

Контроль за соблюдением норм радиационной безопасности осуществляется соответствующими государственными органами, которые проводят инспекции и мониторинг радиационной обстановки. Это важно не только для благополучия населения, но и для предотвращения возможных аварий и инцидентов, связанных с радиацией. В соответствии с этими нормами, устанавливаются процедуры для оценки воздействия и защиты людей на уровне как личной, так и коллективной безопасности.

Радиационная безопасность, как система регулирования, стала особенно актуальной в условиях интенсивного развития технологий и увеличения количества объектов, связанных с радиацией. Лишнее облучение населения может привести к различным заболеваниям, в том числе к онкологическим. Поэтому постоянное обновление законодательства, включая его изменения и дополнения, а также внедрение новых рекомендаций по соблюдению норм радиационной безопасности остается актуальной задачей для органов власти и научного сообщества.

В контексте современных вызовов, таких как изменение климата и рост техногенной активности, необходимо исследовать будущее развитие законодательства в области радиационной безопасности. Это позволит адаптировать действующие нормативные акты к новым реалиям и выработать новые рекомендации, направленные на минимизацию рисков и защиту здоровья населения. Научные исследования и практические наработки в этой области будут способствовать улучшению и актуализации законодательства, что в конечном итоге приведет к повышению радиационной безопасности для всех слоев населения.

Одной из задач законодательства является создание и поддержание безопасной жизненной среды не только для текущих, но и для будущих поколений. Нормативные акты способствуют формированию культуры безопасного обращения

с источниками радиации. Например, требования к обучению специалистов, работающих в данной сфере, позволяют улучшить навыки и знания о радиационной безопасности, что в дальнейшем влияет на качество работы и безопасность.

На современном этапе система законодательства в области радиационной безопасности представляет собой систему актов международного и национального права.

На международном уровне осуществление процесса регулирования радиационной безопасности обеспечивают три наиболее авторитетные организации:

1. Научный комитет по действию атомной радиации Организации объединенных наций (НКДАР ООН) с 1955 г. накапливает и систематизирует информацию по уровням облучения персонала и населения в мире, по радиационным эффектам, проявляющимся в виде заболеваний (в том числе генетических заболеваний у потомства) различной степени тяжести, вызванных воздействием ионизирующего излучения, а также по радиационным рискам.

2. Международная комиссия по радиологической защите (МКРЗ) разрабатывает философию радиационной защиты, в том числе устанавливает обязательные или рекомендуемые уровни ограничения облучения человека. МКРЗ образована в 1928 г., и в течение уже почти ста лет является мозговым центром в области радиационной безопасности. Она является независимой международной организацией и не имеет формального права навязывать свои предложения кому-либо, однако практическое законодательство в большинстве стран в основном следует ее рекомендациям. В рекомендациях МКРЗ изложены требования к источникам ионизирующего облучения в плане обеспечения строгого контроля и предотвращения выхода источника из-под контроля, а также к процедуре выполнения мероприятий по защите человека и окружающей среды от радиационного воздействия.

3. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), образованное в 1957 г., формирует комплекс требований к источнику и обеспечению контроля над ним. Особое внимание уделяется радиационной аварии как наиболее опасному виду потери контроля над источником. Это

обусловлено тем, что безопасность ядерных технологий хорошо проработана и обеспечивается при нормальном течении всех технологических процессов. МАГАТЭ не устанавливает законы и обязательные для исполнения требования, но проводит постоянно практическую работу по заключению международных конвенций и контролю за их соблюдением.

Целью деятельности перечисленных выше международных организаций является разработка рекомендаций по формированию научно обоснованной правовой основы для осуществления деятельности, связанной с использованием ядерной энергии и ионизирующих излучений так, чтобы надлежащим образом обеспечивалась защита человека и окружающей среды.

В международной практике эта цель реализуется в подготовке международных конвенций, которые заинтересованные государства принимают, ратифицируют и выполняют. К настоящему моменту действуют 7 основных международных конвенций в области обеспечения радиационной безопасности, к которым присоединилась Российская Федерация:

- Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб (1963)
- Конвенция о физической защите ядерного материала (1980)
- Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии (1986)
- Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации (1986)
- Конвенция о ядерной безопасности (1994)
- Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработанным ядерным топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами (1997)
- Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (2005)

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в области обеспечения радиационной безопасности являются в соответствии с Конституцией Российской Федерации составной

частью правовой системы Российской Федерации. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации в области радиационной безопасности, применяются правила международного договора.

Вся деятельность по обеспечению безопасности в области использования атомной энергии в Российской Федерации осуществляется на основе:

- законов Российской Федерации;
- нормативных правовых актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации;
- федеральных норм и правил в области использования атомной энергии;
- руководств по безопасности
- руководящих документов или других типов документов;
- нормативных документов органов управления использованием атомной энергии и других федеральных органов исполнительной власти (стандарты, строительные нормы и правила и т.п.)

Все перечисленные нормативно-правовые акты составляют строгую иерархическую систему.

Основными федеральными законами, определяющими обеспечение безопасности при использовании атомной энергии в Российской Федерации, являются:

- Федеральный закон “О радиационной безопасности населения” был принят 9 января 1996 года. Он определяет основы и принципы обеспечения радиационной безопасности населения в целях охраны его здоровья; мероприятия по обеспечению радиационной безопасности; полномочия Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области обеспечения радиационной безопасности; права и обязанности граждан и общественных объединений в области обеспечения радиационной безопасности и основные гигиенические нормативы (допустимые пределы доз)облучения на территории Российской Федерации в результате использования источников ионизирующего излучения для населения и работников объектов использования атомной

энергии. [1]

– Федеральный закон от 21.11.1995 №170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» устанавливает правовые отношения между всеми участниками использования атомной энергии и гарантирует возмещение ущерба, причиненного радиационным воздействием, предоставление работникам объектов использования атомной энергии социально-экономических компенсаций за негативное воздействие ионизирующего излучения на их здоровье и за дополнительные факторы риска, а также обеспечение социальной защиты гражданам, проживающим и (или)осуществляющим трудовую деятельность в районах расположения объектов использования атомной энергии. [2]

– Федеральный закон от 10.01.2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» устанавливает требования в области охраны окружающей среды при размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, вводе в эксплуатацию, эксплуатации и выводе из эксплуатации объектов энергетики и объектов использования атомной энергии, но без какой-либо конкретизации принципов обеспечения охраны окружающей среды. [3]

– Федеральный закон от 30.03.1999 №52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Этот закон направлен на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения как одного из основных условий реализации конституционных прав граждан на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду. [4]

– Федеральный закон от 01.12.2007 №317– ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» устанавливает правовое положение, принципы организации, цели создания и деятельности, порядок управления деятельностью, порядок реорганизации и ликвидации Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом". [6]

– Федеральный закон Российской Федерации от 11.07.2011 №190-ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», регулирует отношения в области обращения с радиоактивными отходами.

Следующую ступень в системе занимают нормативно-правовые акты Президента РФ и Правительства РФ.

Они разработаны и утверждены в целях реализации законов. Например, Указ Президента РФ от 13 октября 2018 г. N 585 "Об утверждении Основ государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу" определяет цели, задачи, основные направления и инструменты реализации государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу; Положение о лицензировании деятельности в области использования атомной энергии, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 14 июля 1997г. N-° 865, устанавливает порядок и условия лицензирования деятельности в области использования атомной энергии; Положение о разработке и утверждении федеральных норм и правил в области использования атомной энергии, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 1997г. №1511. Этим постановлением определен перечень действующих в настоящее время федеральных норм и правил в области использования атомной энергии. [7]

В состав этой группы нормативных документов входят документы Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору. Нормативные документы, относящиеся к этой группе, могут использоваться для обоснования безопасности ядерных установок, если они не противоречат федеральным нормам и правилам. База нормативных документов для регулирования радиационной безопасности разработана ведущим центром научно-технической поддержки в системе Ростехнадзора – ФГУ «Научно-технический центр по ядерной и радиационной безопасности» (НТЦ ЯРБ). Она включает в настоящее время более 100 федеральных норм и правил (от НП-001 до НП-109). Нормативные документы имеют весомую поддержку в виде документов методического и рекомендательного уровня – более 160 Руководств по безопасности (от РБ-001 до РБ-167), свыше 10 методических рекомендаций. Документы Ростехнадзора

регулярно обновляются и пересматриваются с привлечением компетентных специалистов различных ведомств.

Государственная корпорация по атомной энергии "Росатом" созданная в 2007 году является наделенным полномочиями от имени Российской Федерации в соответствии с Конвенцией о физической защите ядерного материала государственным компетентным органом по ядерной и радиационной защите ядерного материала в Международном агентстве по атомной энергии и других международных организациях.

Роль Корпорации обеспечении безопасности при использовании атомной энергии заключается в следующем:

1) участвует в разработке обязательных для применения и выполнения федеральных норм и правил, устанавливающих требования к безопасному использованию атомной энергии, и согласовывает их в установленном порядке;

2) разрабатывает и представляет в Правительство Российской Федерации предложения, касающиеся установления порядка организации сбора, хранения и захоронения радиоактивных отходов;

3) разрабатывает и проводит мероприятия по предотвращению и ликвидации последствий аварий при транспортировании (перевозке) ядерных материалов, радиоактивных веществ и изделий из них;

4) выдает сертификаты-разрешения на транспортирование (перевозку) ядерных материалов, радиоактивных веществ и изделий из них;

5) организует и осуществляет государственный контроль за обеспечением безопасности транспортирования (перевозки) ядерных материалов, радиоактивных веществ и изделий из них;

6) осуществляет государственный учет и контроль ядерных материалов, радиоактивных веществ и радиоактивных отходов в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, а также обеспечивает проведение работ, связанных с функционированием, методическим обеспечением и совершенствованием системы государственного учета и контроля в этой сфере;

7)осуществляет государственный контроль за радиационной обстановкой в районах размещения ядерных установок, радиационных источников и пунктов хранения, принадлежащих учреждениям Корпорации, акционерным обществам Корпорации и их дочерним обществам, а также подведомственным предприятиям;

8)осуществляет государственный контроль за выполнением мероприятий по предупреждению чрезвычайных ситуаций, включая ядерные аварии и радиационные аварийные ситуации, в учреждениях Корпорации, в акционерных обществах Корпорации и в их дочерних обществах, а также на подведомственных предприятиях;

9)представляет интересы Российской Федерации в международных организациях по вопросам обеспечения ядерной и радиационной безопасности при транспортировании (перевозке)ядерных материалов, радиоактивных веществ и изделий из них;

10)осуществляет функции координатора работ по разработке и реализации специальных экологических программ, включая региональные программы, единых проектов ввоза в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов. Финансирование специальных экологических программ осуществляется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации;

11)осуществляет работы по стандартизации в области использования атомной энергии;

12)осуществляет работы по обеспечению единства измерений в области использования атомной энергии.

Законодательная и нормативная база в области радиационной безопасности формируется с целью защиты населения от потенциальных угроз, связанных с воздействием ионизирующего излучения.

Закладка основ радиационной безопасности осуществляется через формирование системных подходов к контролю за радиационной обстановкой и соблюдению установленных норм. Законы устанавливают четкие требования к различным видам деятельности, связанным с использованием радиоактивных материалов, и определяют полномочия

государственных органов в этой области.

Важным аспектом является необходимость регулярного мониторинга и проверки радиоактивных веществ, что позволяет создать надежную базу для предотвращения чрезвычайных ситуаций и защиты здоровья населения. Например, регулярные отчеты о состоянии радиационной безопасности и результаты мониторинговых исследований являются важным инструментом, позволяющим людям получить актуальную информацию о рисках и мерах защиты. Это создает более высокое доверие к государственным органам и уверенность в том, что их здоровье находится под защитой. [9]

Одной из задач законодательства является создание и поддержание безопасной жизненной среды не только для текущих, но и для будущих поколений. Нормативные акты способствуют формированию культуры безопасного обращения с источниками радиации. Например, требования к обучению специалистов, работающих в данной сфере, позволяют улучшить навыки и знания о радиационной безопасности, что в дальнейшем влияет на качество работы и безопасность.

Динамика изменения законодательства в области радиационной безопасности также отражает актуальные научные достижения. В процессе обновления норм и стандартов учитываются новые исследования и достижения технологий, что позволяет быстро реагировать на связанные с радиацией вызовы. Такие изменения полностью соответствуют международным требованиям и рекомендациям, что усиливает интеграцию России в глобальное сообщество. Это создает дополнительные условия для эффективного контроля за радиационной безопасностью на всех уровнях, начиная от государственных учреждений и заканчивая местными сообществами.

С точки зрения социальной значимости, нужно отметить, что законодательство по радиационной безопасности должно быть доступно для понимания гражданами. Это предполагает проведение образовательных кампаний, направленных на повышение информированности населения о рисках, связанных с радиационным облучением, а также о мерах предосторожности, которые можно и необходимо принимать.

Общество должно быть достаточно информировано для того, чтобы самостоятельно принимать осознанные решения относительно здоровья и безопасности.

Таким образом, законодательство в области радиационной безопасности играет жизненно важную роль в формировании безопасной среды для жизни. Оно создает необходимые условия для предупреждения радиационных рисков и защиты здоровья граждан, внедряя современные подходы мониторинга и контроля. Эти усилия делают нормативную базу важным инструментом для обеспечения устойчивости общества перед вызовами, связанными с радиацией.

Завершая данное исследование, следует подчеркнуть, что законодательная и нормативная база в области радиационной безопасности представляет собой систему правовых актов, важность которых заключается в ключевой роли в защите здоровья населения и охране окружающей среды. В условиях современного мира, где технологии и научные достижения стремительно развиваются, необходимость в четком и эффективном регулировании вопросов радиационной безопасности становится особенно актуальной.

Роль международных документов в области радиационной безопасности заключается в том, что они закрепляют незыблемый принцип международного взаимодействия государств в области ядерной безопасности: основную ответственность за ее обеспечение несут сами государства, поддержание надлежащего уровня радиационной безопасности также является исключительной прерогативой государств. Именно на этом строится международное сотрудничество, которое осуществляется на различных профильных площадках, включая МАГАТЭ.

Правовое регулирование отношений в области использования атомной энергии в Российской Федерации осуществляется на основе сформированной системы законодательных актов и принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов, в том числе актов федеральных органов исполнительной власти. При этом регулирующую основу безопасности при использовании атомной энергии составляют федеральные нормы и правила,

разработка и актуализация которых осуществляется, в том числе, в связи с изменением законодательства Российской Федерации, необходимостью учета рекомендаций международных организаций, в работе которых принимает участие Российская Федерация, а также с целью учета достигнутого уровня развития науки, техники и производства. [8]

Госкорпорация «Росатом» – одна из немногих компаний мирового уровня, обладающая всеми ядерными технологиями. В ее составе предприятия различных комплексов, таких как ядерный энергетический, оружейный, научно-технический и ядерной и радиационной безопасности. Это подразумевает огромное влияние на национальную и мировую экономики, огромную ответственность за безопасность. Для обеспечения ядерной и радиационной безопасности в корпорации функционирует система, способная осуществлять постоянный мониторинг предприятий отрасли и в случае неблагоприятного развития событий оперативно реагировать и ликвидировать последствия чрезвычайных ситуаций.

Таким образом, можно сделать вывод, что законодательная и нормативная база в области радиационной безопасности является важным инструментом для защиты населения и окружающей среды. Эффективное функционирование этой системы требует постоянного анализа, обновления и вовлечения всех заинтересованных сторон в процесс обеспечения радиационной безопасности. Только совместными усилиями можно достичь высокого уровня защиты и сформировать культуру безопасности, которая станет основой для устойчивого развития общества в условиях современных вызовов.

Список использованных источников и литературы:

[1] Федеральный закон "О радиационной безопасности..." [Электронный ресурс] // www.consultant.ru – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_8797/ (дата обращения 31.01.25).

[2] Федеральный закон от 09.01.1996 N 3-ФЗ "О радиационной..." [Электронный ресурс] // base.garant.ru – Режим

доступа: <https://base.garant.ru/10108778/> (дата обращения 31.01.25).

[3] Федеральный закон от 09.01.1996 г. №3-ФЗ • Президент России [Электронный ресурс] // www.kremlin.ru – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8724> (дата обращения 31.01.25).

[4] Приложение. СП 2.6.1.2612-10 "Основные санитарные..." | ГАРАНТ [Электронный ресурс] // base.garant.ru – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12177986/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения 31.01.25).

[5] Статья 1. Основные понятия \ КонсультантПлюс [Электронный ресурс] // www.consultant.ru – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_8797/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/ (дата обращения 31.01.25)

[6] Радиационная безопасность – Википедия [Электронный ресурс] // ru.wikipedia.org – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 31.01.25).

[7] Федеральный закон от 09.01.96 N 3-ФЗ – Редакция от 18.03.2023 [Электронный ресурс] // normativ.kontur.ru – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleid=1&documentid=445320> (дата обращения 31.01.25).

[8] Понятие радиационной безопасности. Общие требования... [Электронный ресурс] // studfile.net – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/21446991/page> (дата обращения 31.01.25).

[9] О радиационной безопасности населения [Электронный ресурс] // pravo.gov.ru – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102039034&intelsearch=3> (дата обращения 31.01.25).

© А.В. Домнина, 2025

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.Ю. Никулина,

воспитатель,

ГБОУ СОШ №104 имени М.С. Харченко,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация: данная статья рассматривает особенности социального-коммуникативного развития детей старшего дошкольного возраста, а также роль игры как средства, способствующего развитию каждой из областей. В том числе приводится классификация настольных игр по целям участников и раскрываются возможности их применения.

Ключевые слова: социально-коммуникативное развитие, дети старшего дошкольного возраста, настольные игры.

Социализация личности заключается в приспособлении к изменениям, преобразованиям, происходящим в мире и обществе, определении своего места в нем. Она выражается при помощи факторов, которые доступны детям в старшем дошкольном возрасте. К ним относится понимание своего «Я», норм и моралей, которые приняты в обществе, определение себя как гражданина страны, гражданская и семейная идентичность, готовность слышать других людей, работать в команде для достижения одной цели и так далее.

Социально-коммуникативное развитие – образовательная область, являющаяся обязательной структурной единицей развития и образования детей, закреплённая в Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования [2]. По мере взросления в образовательной области выделяются новые направления, в соответствии с возрастом, становится необходимо научить детей взаимодействовать между собой, понимать других людей и себя самого.

Социально-коммуникативное развитие является важной образовательной областью для формирования здорового ребенка и личности. Это отразится в школьной жизни, что является следующим этапом социализации после детского сада, где детям будет необходимо освоить новые виды деятельности, изменить привычную картину мира, познакомиться с новыми людьми, преследующими разные цели. От работы педагога в детском саду зависит, смогут ли дети освоиться, проявить свои сильные черты, инициативу, активность, характер. Если были допущены пробелы, они могут быть не видны изначально, но затем проявятся в полной мере, негативно влияя на жизнь и представления о мире уже взрослого человека. Данная образовательная область позволяет приобщить ребенка к этнокультурным и социальным ценностям общества в процессе формирования жизненных компетенций. Что также дает возможность воспитать достойного гражданина и сильную личность, уважающую других людей, умеющую брать в расчет чужое мнение, анализировать его с разных сторон, с долей здорового реализма, и при случае отстоять свое решение.

Цель игр, направленных на социально-коммуникативное развитие, заключается в построении взаимоотношений со сверстниками. Начинается с появления чувства равенства, при котором участники заинтересованы в проявлении друг друга. Игра помогает сделать эту заинтересованность очевидной.

Игра имеет большое значение для дошкольников, в ней он определяет собственную индивидуальность, исходя из своего «Я», осознает свои действия и их влияние на ситуации, раскрепощает воображение, передает ценности культуры и определенные навыки [1]. Она является средством коммуникации, так как именно в ней они чувствуют себя более комфортно. В игре значение имеет не результат, а сам процесс, связанный с игровыми действиями. Ситуации воображаемые, чувства, которые ребенок испытывает в этот момент – реальные. В процессе дети распределяют между собой роли, обдумывают содержание, согласовывают свои действия с другими участниками, решают возникающие споры, помогают другим. Ребенку предоставляется возможность быть самостоятельным в познании социального мира, обеспечивает условия

формирования личностных качеств и понимания собственных чувств. Она насыщена разнообразными эмоциями: удивление, волнение, радость, восторг и др. И это позволяет использовать ее для развития и воспитания личности (обогащения эмоционального опыта), для профилактики и коррекции психологических состояний.

Одним из видов игры является дидактическая, которая позволяет лучше усваивать знания, закреплять навыки, полученные на занятиях, выработать силу воли, выдержку, самообладание, терпение и другие личностные качества. Она помогает ребенку понять ситуацию и сюжет, который он может использовать в дальнейших играх. Так как показывает отношения между людьми и к деятельности.

Остановимся на таком виде дидактической игры, как настольно-печатном. Они знакомы каждому, вследствие того, что их уровень сложности и целевая аудитория варьируется от детей младшего возраста до взрослых. Одними из первых настольно-печатных игр принято считать «Змеи-лестницы» и ходили, возникшие еще в Древнем Египте. Общество менялось, менялся мир вокруг, также менялись темы и механики настольно-печатных игр. Они использовались для развлечений, развития мировоззрения и воспитания и других целей, что сделало их популярными. Можно сказать, они были всегда, но сейчас они развиваются особенно бурно, используются для написания грантов и становятся социальными проектами.

Игры можно разделить по целям участников. Такая классификация даст более полное понимание настольных игр.

– кооперативные. Обеспечивают взаимодействие между участниками в процессе игры. Сама игра настроена против участников (отрицательные герои, катаклизмы), игрокам необходимо объединить свои силы, чтобы дойти до конца и победить. Одной из таких игр является «Запретный остров». Сюжет: участники попали на остров, с которого они могут выбраться только, если добудут артефакты. У каждого из детей есть своя роль, нужно помочь всем дойти до конца, собрать артефакты и успеть, пока остров не затонул (в этом им помогает сама игра).

– индивидуальные. Каждый игрок преследует свою цель,

но в ходе игры детям важно придерживаться правил, слушать друг друга. Одним из примеров таких игр является «Сад Алисы». Сюжет: дети попадают в сказку «Алиса в Стране Чудес» и им необходимо построить сад для Красной королевы по принципу тетриса. В процессе игры дети могут подсказывать друг другу, на скорость и эффективность заполнения поля влияет очередность, умение договариваться между собой.

Большинство настольных игр имеют возрастную маркировку, иногда ею можно пренебречь. К примеру, использовать игру для старших по возрасту детей, но важно, чтобы разница была не более 2-3 лет с реальным возрастом ребенка, также нужно перед этим оценить способности детей или быть готовым оказать помощь и поддержку в процессе. В случае с разновозрастными детьми лучше всего брать игры, которые будут интересны старшему ребенку (если не сильно большая разница в возрасте), так как он может выступать помощником для младшего. Вы можете и самостоятельно упрощать действия для младшего ребенка или предложить формат командной игры, где можно будет объединить усилия. Некоторые из настольно-печатных игр имеют несколько версий: полноформатную, требующую свободного пространства или плоскости стола и дорожную, которая не занимает много пространства и имеет те же компоненты в уменьшенном виде или количестве предметов.

Мы можем сделать вывод, что настольно-печатные игры создают ситуацию, в которой участники взаимодействуют между собой. Они могут бороться против друг друга, объединяться в группы по интересам, сопротивляться действиям игры, что подталкивает участников так или иначе взаимодействовать между собой. В зависимости от того, какую цель преследуют участники, они могут выбирать игру на свое усмотрение. Также некоторые игры предлагают несколько форматов взаимодействия и оставляют его выбор за игроком. Например, в «Цивилизации» можно изначально бороться друг против друга, можно поддерживать города друг друга, разрушая остальные и это позволяет сделать вывод, что в команде результат всегда выше и лучше. В качестве важных элементов общения в ходе игры выступают эмпатия и рефлексия. Эмпатия

– способность понимать психическое состояние другого человека и свое собственное. Рефлексия – способность давать оценку своим действиям и действиям партнера. Стоит помнить также и о том, что именно взрослый должен помочь ребенку познакомиться с игрой и освоиться в ней, чтобы мы могли говорить о каком-либо результате и интересе к ней.

Список использованных источников и литературы:

[1] Абрамова Г.С. Возрастная психология: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – С. 811.

[2] Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования [Текст]: письма и приказы Минобрнауки / [ред. – сост. Т.В. Цветкова]. – М.: Творческий центр Сфера, 2015. – С. 96.

© А.Ю. Никулина, 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.М. Шверина,

*аспирант направления «Психология
труда, инженерная психология,
когнитивная эргономика»,*

Н.М. Константинова,

*аспирант направления «Психология
труда, инженерная психология,
когнитивная эргономика»,*

*Тверской государственный университет,
г. Тверь, Российская Федерация*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТРУДА В КОНТЕКСТЕ МЕТАКОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация: в статье на данных теоретического и эмпирического исследования обосновывается значение метакомпетентностного подхода в высшем образовании и роль преподавателя высшей школы в его реализации. Показаны психологические основы научно-педагогического труда, такие как мотивация, ценности, смыслы, удовлетворенность трудом, которые необходимы преподавателю высшей школы для успешной профессиональной деятельности.

Ключевые слова: высшее образование, метакомпетенции, мотивация, преподаватель высшей школы, смыслы, ценности, удовлетворенность трудом.

В настоящее время подготовка будущих специалистов в вузах страны реализуется согласно ФГОС ВО в компетентностной парадигме. Однако анализ практики показывает, что задачи опережающей подготовки специалистов для различных отраслей экономики требуют перехода на более высокий уровень профессионально-ориентированного образования. Следует отметить, что современный рынок труда

характеризуется постоянным появлением новых профессий и предполагает быстрое освоение этих профессий субъектами труда. Таким образом, феномен метакомпетенций – актуальный предмет исследований, как на уровне психики будущего субъекта труда, так и преподавателя вуза как реального субъекта научно-педагогического труда.

Значительный вклад в развитие научных представлений о метакомпетенциях внесли отечественные ученые Э.Ф. Зеер, А.В. Карпов, Е.А. Климов, В.А. Толочек и др. Многие авторы, Н.Н. Демиденко, Л.Л. Долгопольский, и др., применяющие метаподход к изучению профессиональной деятельности, к метакомпонентам психики относят метазнания, метаумения, метанавыки, метадеятельность, метасознание. Метакомпетенции, по мнению ряда зарубежных исследователей, – это способность анализировать собственные мыслительные стратегии и управлять своей познавательной деятельностью. В зарубежной литературе для интерпретации метакомпетенций используют термин «мягкие навыки» (soft skills)[12]. Метакомпетенции занимают верхнюю строчку в иерархии профессиональных компетенций и их нельзя сводить к простой сумме знаний, умений, навыков [7]. Метакомпетенции способствуют саморазвитию, самообразованию, они ориентированы на личность, на сформированность метаструктур психики будущего субъекта труда и являются проявлением высшей степени его профессионализма.

Представим результаты эмпирического исследования субъективного мира будущего специалиста в контексте значения развития метакомпетенций на примере универсальной компетенции УК-8 «Безопасность жизнедеятельности», которая формируется в рамках реализации одноименной дисциплины (БЖД). Данная дисциплина выполняет стратегическую задачу развития сознания будущего субъекта труда, как носителя норм и компетенций безопасного поведения в повседневной жизни и профессиональной деятельности. С позиций метаподхода, учебный процесс по БЖД в вузе должен строиться с учетом представлений обучающихся о безопасной жизнедеятельности и их потребностей в определенных знаниях, умениях и навыках в данной образовательной области. Исследования социально-

психологических представлений студентов об их личной безопасности и безопасности жизнедеятельности в целом, проведенные преподавателями кафедр «Безопасности жизнедеятельности» и «Психология труда и клиническая психология» Тверского государственного университета показали, что студенты знают и осознают те опасные вызовы, которые могут угрожать обществу и им лично [3]. При этом большая часть респондентов (65,7%) не готовы оказывать первую помощь пострадавшим в чрезвычайных ситуациях [10].

Изучение потребностей у обучающихся в компетенциях для личной безопасности и профессиональной деятельности [11] показало, что большинству студентов не хватает уверенности и решительности. Второе место занимает такое качество личности, как толерантность к неопределенности. Студенты указывали на неуверенность в завтрашнем дне, боязнь худших событий, что свидетельствует о ситуативной и личной тревожности респондентов. На третьем месте среди качеств, которых не хватает по мнению студентов, оказалось умение справляться с трудностями. Относительно навыков безопасного поведения в повседневной жизни и трудовой деятельности, большинство опрошенных указывают на недостаток знаний и умений правильно вести себя при возникновении опасных жизненных ситуаций. Также для безопасной жизни, по мнению респондентов, им не хватает коммуникативных навыков, умения поддерживать свое здоровье, грамотно распределять свое время, умения найти работу. Следует отметить, что данные навыки формируются в рамках других универсальных компетенций, таких как УК-1 «Осуществляет поиск информации для решения поставленной задачи», УК-2 «Способен определять круг задач в рамках поставленной цели», УК-3 «Способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде». Следовательно, метакомпетентностный подход подразумевает и метапредметность, то есть взаимосвязь между различными дисциплинами, которые формируют одни и те же профессиональные качества и навыки.

Данные проведенных исследований относительно формирования УК-8 «Безопасность жизнедеятельности» убедительно доказывают необходимость перехода на более

высокий метакомпетентностный уровень профессиональной подготовки в условиях вузовского образования. Решение данной задачи лежит в плоскости профессиональной деятельности научно-педагогического вузовского сообщества.

В условиях реформирования высшего образования значительным изменениям в первую очередь будет подвергаться профессиональная деятельность преподавателя высшей школы (ПВШ), которая должна максимально обеспечивать реализацию метакомпетентностного подхода в образовании. Эти изменения вызваны сменой ключевых ориентиров и переходом на новый качественный уровень в российском образовании, так как по мере развития общества меняются требования к высшей школе, которая должна отвечать современным тенденциям на каждом этапе его модернизации и трансформации.

Профессиональная деятельность ПВШ относится к научно-педагогическому труду, который в современных условиях тотальной цифровизации, внедрения инновационных образовательных технологий, искусственного интеллекта будет структурно и содержательно не только изменяться, но и усложняться. В связи с этим большое теоретическое значение имеет исследование профессионального развития субъекта научно-педагогического труда – преподавателя высшей школы и, в частности, психологических основ его профессиональной деятельности.

Современное транзитивное общество из-за быстрой смены социально-экономических, политических, духовно-нравственных характеристик требует от субъектов труда, в том числе и преподавателя высшей школы, быть готовым к постоянно происходящим переменам в сфере его трудовой деятельности [5]. Самые сложные изменения происходят во внутреннем мире ПВШ – это те психические феномены, которые относятся к системе мотивационно-ценностных основ профессионализма [4]. Психологические основы профессиональной деятельности – это фундаментальные психологические конструкты, которые влияют на трудовую деятельность человека, поведение и взаимодействие с другими субъектами труда. К ним относятся: мотивация трудовой деятельности, ценности и смыслы, составляющие ценностно-

смысловой компонент мотивации, удовлетворенность трудом. Психологические основы профессиональной деятельности преподавателя высшей школы также включают комплекс психологических мета-качеств и способностей, которые обеспечивают эффективное выполнение профессиональных функций и адаптацию к изменениям в образовательной среде. К таким мета-качествам современного преподавателя можно отнести: стремление к постоянному профессиональному самосовершенствованию, развитый эмоциональный интеллект, способность воспринимать новые знания, умения и навыки, умение концентрировать усилия на приоритетах и работать в условиях многозадачности, навыки построения профессиональной карьеры и многое другое. Эти мета-качества способствуют эффективному профессионально-личностному росту ПВШ, однако их развитие и реализация в практической деятельности возможны при условии положительной мотивации научно-педагогического труда.

В психологических исследованиях трудовой мотивации большое место занимают такие феномены, как ценности и смыслы профессиональной деятельности, которые часто присутствуют вместе и для ПВШ составляют ценностно-смысловой компонент мотивации научно-педагогического труда. Ценности и смыслы субъекта научно-педагогического труда в качестве предмета исследований представлены в научных трудах Т.И. Арковой, Н.Н. Демиденко, Л.М. Митиной, И.О. Сидоренко, Ш. Шварца и др, в которых показаны не только их актуальные ценности, но и факторы, которые способствуют трансформации этих психологических конструкторов у ПВШ.

По мнению М.В. Богуславского [3], для современных преподавателей значимую ценность представляют те условия труда, которые связаны с их собственным вкладом в учебный процесс: морально-психологический климат в коллективе и соблюдение трудовой дисциплины. Из условий, которые предоставляются вузом, наиболее высоко оцениваются показатели научного, информационного и методического обеспечения учебного процесса. Т.И. Аркова, Е.Ю. Карамышева и Е.В. Щанина [2, 6] обозначили следующие ценности: собственный профессионализм, формирование своего

человеческого капитала, конкурентоспособность на рынке труда в противовес таким традиционным ценностям, как педагогическая, воспитательная, научная деятельность ПВШ. Авторы отмечают, что снижение профессионального статуса, обусловленное невысоким престижем профессии и низким уровнем оплаты труда, негативно сказывается на профессиональных ценностях современного ПВШ [6]. Этот аспект общей проблемы ценностей и смыслов труда ПВШ требует дальнейшего изучения, что имеет не только теоретическое, но и практическое значение в переломные моменты в сфере высшего образования. В работе О.Б. Томилина дана характеристика университетского менеджериализма как метода управления высшим учебным заведением [9]. Автор считает, что отношение к профессорско-преподавательскому составу как к средству, а не как к личности неизбежно приводит к отчуждению людей от результатов своего труда и к разрушению смысла труда как такового. Следовательно, стремительные трансформации высшего образования неизбежно приводят к появлению новых ценностей и смыслов у субъектов научно-педагогического труда, значение которых еще предстоит изучать.

С мотивацией непосредственно связана удовлетворенность трудом, при этом ценности и смыслы, составляющие основу трудовой мотивации, могут служить психологическими предикторами удовлетворенности трудом (УТ). Проблемы удовлетворенности трудом непосредственно субъекта научно-педагогического труда были исследованы многими учеными (Н.Н. Беденко, В.В. Бондаренко, Е.Ю. Васильева, Е.Б. Гаффорова, Н.Д. Гуськова, С.Д. Резник и др.). Одним из факторов, который негативно сказывается на УТ ПВШ, является педагогический консерватизм [1], смысл которого заключается в следующем: чем выше неготовность и невосприимчивость к нововведениям, тем ниже уровень удовлетворенности трудом. Негативное влияние на УТ оказывает снижение социально-профессионального статуса российского преподавателя вуза из-за низкого престижа профессии и низкого уровня оплаты труда [6]. Несмотря на достаточное количество исследовательских работ, касающихся

удовлетворенности трудом ПВШ, остаются мало изученными психологические основы профессиональной деятельности, непосредственно влияющие на удовлетворенность трудом ПВШ, в частности такие, как мотивация, ценности и смыслы в быстро меняющихся условиях вузовского образования.

Таким образом, кардинальные изменения существующей системы образования в России обуславливают переход на метакомпетентностную парадигму высшего образования. Теоретический анализ и данные эмпирического исследования убедительно показывают роль преподавателя высшей школы в реализации метакомпетентностного подхода в образовании. Профессиональная деятельность субъекта научно-педагогического труда во многом зависит от его ценностно-смысловой сферы, которая включает такие психологические конструкты, как мотивация, ценности и смыслы научно-педагогического труда, удовлетворенность трудом, личностные мета-качества. Ценностно-смысловая сфера преподавателя высшей школы требует дальнейшего изучения и переосмысления в соответствии с современными реалиями российского образования для организации в вузах страны условий, способствующих эффективной и успешной профессиональной деятельности преподавателя высшей школы.

Список использованных источников и литературы:

[1] Авакян И.Б. Педагогический консерватизм преподавателей вуза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т.13, вып. 1 (49). С. 80-90.

[2] Аркова Т.И. Духовно-нравственные ценности вузовского образования современного российского общества (социально-философский анализ). Автор. дис. канд. фил. наук. М. 2017. 27 с.

[3] Богуславский М.В. Условия труда в региональном университете в оценках профессорско-преподавательского состава / М.В. Богуславский, Н.С. Ладыжец Е.В. Неборский // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т 8. – №2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/51PDMN220.pdf>. (дата обращения: 13.09.2025).

[4] Демиденко Н.Н. Мотивационно-компетентностный подход к профессионализму научно-педагогического труда преподавателя высшей школы: диссертация на соискание степени доктора психологических наук / Демиденко Н.Н. – Тверь, 2020. – 869 с.

[5] Демиденко Н.Н., Константинова Н.М., Шверина О.В. Значение социально-психологического анализа представлений студентов о личной безопасности в формировании компетенций безопасности жизнедеятельности // Вестник НЦБЖД. 2023. №2 (56). С.19-25.

[6] Карамышева Е.Ю., Щанина Е.В. Социально-профессиональный статус российского преподавателя вуза. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки / 2024. №5 (май) С. 24-28

[7] Орбодоева Л.М. Метакомпетенция как компонент содержания профессиональной иноязычной подготовки студентов в языковом вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. №14 (700). С. 144–153.

[8] Сидоренко И.О. Цифровое образование как основа усовершенствования социального механизма приверженности профессии преподавателей высшей школы // Society and Security Insights. 2024. Т.7. №1. С.178-199.

[9] Томилин О.Б. Тупики университетского менеджериализма: концептуальный анализ // Университетское управление: практика и анализ. 2024. Т. 28. №1. С.125-143.

[10] Шверина Т.А., Шверина О.В., Косарева Н.П. Первая помощь и ее изучение в рамках дисциплины «Безопасность жизнедеятельности». Проблемы и решения // Вестник НЦБЖД. – 2021. – №3 (49). – С. 120-126.

[11] Шверина Т.А., Константинова Н.М., Шверина О.В., Косарева Н.П. К вопросу о формировании универсальной компетенции «Безопасность жизнедеятельности» // Вестник НЦБЖД. 2024. №2 (60). С.96-102.

[12] Heckman, J. J. Hard evidence on soft skills / J. J. Heckman, T. Kauts // Labour Economics. – 2012. – Vol. 19, Iss. 4. – P. 451-464.

© В.М. Шверина, Н.М. Константинова, 2025